

АЛЕКСАНДР СТАРШИНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Наследник
императора

Александр Старшинов
Наследник императора
Серия «Легионер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6319910
Старшинов, А. Наследник императора : АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2011
ISBN 978-5-17-076635-2, 978-5-4215-2816-6, 978-5-9725-2158-6

Аннотация

Новая победоносная война Великого Рима.

Император Траян строит планы: как потратить дакийское золото.

У царя Дакии Децебала свои планы – разгромить римлян и расширить свое царство.

А императорский племянник и военный легат Адриан мечтает стать наследником Империи.

У центуриона Гая Остория Приска планы попроще: вернуть себе состояние и доброе имя. Для этого нужно немного – проникнуть в столицу Дакии, выяснить, как взять эту неприступную крепость, и отыскать в диких горах несметные сокровища Децебала.

Только у легионеров Пятого Македонского легиона нет никаких планов.

Им просто хочется выжить.

Кому улыбнется Фортуна?

Как всегда, самому дерзкому...

Содержание

Книга I	5
Часть I	5
Глава I	5
Глава II	15
Глава III	27
Глава IV	34
Глава V	39
Глава VI	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Старшинов

Наследник императора

Книга I Легат

Часть I Гней Помпей Лонгин

Глава I Попутчик

Сентябрь 857 года от основания Рима¹

Дорога между Берзобисом и Дробетой²

– Не ездите один, господин... – Говоря это, раб старательно делал вид, что высыпает из деревянного ведра опилки на двор почтовой станции. – Час назад прибыл легат со свитой. – Раб мотнул лохматой головой в сторону повозки, из которой выпрягли мулов. – Они отправятся в Дробету завтра поутру. Езжай с ними...

– О чем ты? – Приск оставил в покое упряжь жеребца и повернулся к Попрыгунчику. На почтовой станции центурион не менял коня, а лишь воспользовался стойлом и кормом государственной службы.

Резвый достался ему недорого из-за вздорного нрава и пугливости. Но Приск любил дерзкого жеребца, каждый день проверял, нет ли потертостей на спине, осматривал – не сбиты ли копыта. Ненадежные подковы, которые вечно сваливались, он не использовал.

Раб огляделся – нет ли кого поблизости. Ссадина на его скуле почернела, а глаз полностью заплыл. На тунике (рубаша всего одна, так и не постирал) засохли пятна крови. Вид у парня был еще тот.

– В таверне всякое говорят... Люди глупые, думают: уши у меня проколоты, я и не слышу ничего, а я слышу...

– И что такого интересного ты услышал, Попрыгунчик?

Прозвище рабу как нельзя подходило: он редко стоял спокойно, а двигаясь, все время смешно подпрыгивал. «Если бы Резвый родился человеком – выглядел бы так же нелепо», – подумал Приск и улыбнулся.

– Ничего такого. Но одному тебе опасно ехать в Дробету. Это точно. Клянусь Аполлоном-Спасителем!

– Что за легат? Командир легиона? Какого?

– Нет, командует не легионом. Выше бери. Зовут Гней Помпей Лонгин³. О нем тут на станции часто болтают.

– Помпей Лонгин? – Приск изобразил задумчивость. А сердце забилося сильнее. Центурион едва сдержал торжествующую улыбку. Неужели возможно такое совпадение? Вот

¹ 104 год н. э.

² *Берзобис и Дробета* – соответственно Берзовия и Дробета-Тур-ну-Северин, города нынешней Румынии.

³ *Гней Помпей Лонгин* – один из военачальников Траяна, консул-суффект 90 г. н. э. (то есть консул, назначенный на смену первому этого года), наместник провинции Верхняя Мезия между 93 и 96/97 гг. н. э., наместник провинции Паннония до 98 г., в описываемое время – командующий всеми военными силами на данубийской границе. (Данубий – Дунай. В нижнем течении реку именовали Истром. В романе Дунай всюду назван Данубием.)

так повезло! Судьба! А он даже не сулил поставить Фортуне алтарь. Бескорыстно решила помочь капризная богиня...

– Помпей Лонгин, говоришь? – До конца в такую удачу не верилось. – Ты не ошибся?

– Точно, господин.

Приск на миг задумался: нет, не о том размышлял – оставаться или нет, а как оказаться подле Лонгина будто невзначай. Ненавязчиво. Будто и не стремился сам – просто Судьба свела. Вот именно – Судьба.

– Отведи-ка Резвого назад в конюшню да пригляди, чтобы ему засыпали самого лучшего корма, – приказал центурион Попрыгунчику.

Это прозвучало так: «Я последую твоему совету».

* * *

На почтовую станцию центурион Гай Осторий Приск прибыл накануне поздно вечером и, едва перекусив, завалился спать в гостинице при станции. Проснулся он поздно: торопиться центуриону было незачем – от отпуска оставалось несколько дней, но в Эск домой он уже не успевал, а возвращаться до срока на службу в Дробету тем более не хотелось. А главное, известие, что он должен был сообщить Кориолле, было печальным. Он представил, что все эти дни она надеялась, ждала, радостно замирала при стуке в дверь... И... ничего. Еще одно ложное известие, еще одна безрезультатная поездка. Четвертая за два года. «Последняя», – решил для себя Приск.

Наконец ближе к полудню, поднявшись и плотно поев, он вышел во двор, где и стал свидетелем обычной в общем-то сцены. Один из станционных рабов, волоча полное ведро воды, споткнулся и расплескал половину на каменные плиты. В теплый летний день почти и не провинность даже. Нерасторопный раб заслуживал окрика, на крайний случай – удара палки, чтоб в следующий раз внимательней смотрел под ноги. Но один из станционных рабов, судя по новенькой тунике и дорогим сандалиям – рабский начальник, вытянул Попрыгунчика от всей души раза три или четыре палкой, а потом, сбив на землю, принялся еще и ногами охаживать. При этом ведро опрокинулось и расплескалось окончательно. Несчастный закрывался руками, но напрасно – удары всякий раз приходились по голове и ребрам, а истязатель еще норовил добавить в пах и все бил и никак не мог насытиться. Приск, разозленный такой неумностью, устремился к палачу, сгреб его левой рукой, а правой угостил ударом в челюсть.

– Будь болен! – пожелал истязателю.

Потом отпустил, отступил на полшага и еще раз ударил, в этот раз от души. Раб отлетел на несколько шагов, впечатался спиной в колесо стоявшей неподалеку повозки.

– Ты – на императорской службе, твое дело – служить, а не калечить собственность императора. – Произнеся сию поучительную речь, Приск обернулся к бедолаге, что теперь сидел, скорчившись, и отирал кровь с разбитой губы. – Как тебя кличут?

– Попрыгунчик, – сообщил тот.

На склоненной недавно обритой голове алел свежий шрам, который вновь начал кровить – видимо, уже не в первый раз доставалось Попрыгунчику от начальства. По закону несчастный раб, избиваемый господином, мог искать защиты подле статуи императора – лишь бы суметь добраться до этой статуи и воззвать к гражданам, а вернее, к представителям местной власти. Но то, что можно было сделать в Риме, любом городке Италии или романизированной провинции, здесь, на окраине римского мира, казалось недостижимым. С другой стороны, мысль о статуе выглядела очень даже симпатично.

– А кстати... – проговорил центурион задумчиво, оглядывая двор почтовой станции. – Почему у вас нет статуи императора Траяна? Или хотя бы посвятительного алтаря? Что за недосмотр? А? Неужели вы не чтите нашего наилучшего принцепса⁴?

Побитый начальник, готовый возмутиться по поводу незаконных действий и пообещать центуриону жалобу на целый двойной свиток, замер с раскрытым ртом. По тому, как скусилась синеющая с одной стороны физиономия любителя распускать руки, Приск понял, что попал в слабое место. Он даже без труда восстановил нехитрую цепь событий: рабы скинулись из скудных своих доходов (в основном мелких подачек проезжающих) на какой-нибудь недорогой алтарчик, но деньги непостижимым образом застряли в денежном сундуке старшего стационария⁵.

– Я как раз хотел заказать, – пробормотал раб-начальник, спешно оглаживая растрепанные волосы и склоняясь в лъстивом поклоне. – Да вот не ведаю, где...

– Дело поправимое, – оборвал его Приск. – В Дробете осталось немало статуй, показавшихся Аполлодору⁶ неподходящими для его великолепного моста. Но для твоей станции они вполне подойдут. Можешь выбрать за умеренную цену.

– Так и сделаю, центурион. Благодарю за блестящую мысль, великолепный! – заюлил побитый жулик.

– Заткнись, – оборвал его Приск и повернулся к Попрыгунчику. – Мой тебе совет: если опять начнут истязать, ты, парень, сразу шмыг под статую и ори про защиту. Траян, даже каменный, никого в обиду не даст.

* * *

Это происшествие немного развеселило Приска и отвлекло от мрачных мыслей. Он вернулся в гостиницу собрать вещи, однако не торопился уезжать: решил проверить, не кинется ли оскорбленный начальник-раб избивать раба-подчиненного. Чтобы скоротать время, он достал таблички и принялся сочинять письмо для Кориоллы. Стил, обычно бойко порхавший, сейчас то и дело увязал в воске, как муха в густом дакийском меду: новость, о которой сообщал своей возлюбленной центурион, была дурная. Дописав кое-как письмо и запечатав, Приск собрался и вышел во двор... Вот тогда Попрыгунчик, уже взнуздавший и выведший из конюшни Резвого, вдруг заговорил о прибытии легата.

Разумеется, выходку избитого раба можно было истолковать как нежелание оставаться один на один с кипящим от злости начальником, посему хитрый раб постарался удержать на станции своего покровителя. Однако что-то подсказывало Приску: раб не врет – всего, правда, недоговаривает, но знает точно: опасность существует. А впрочем – пусть и выдумка, что из того? Лонгин был Приску нужен, просто *необходим*.

Вернув Резвого в конюшню, Приск отправился в общую залу таверны. Высокого гостя долго искать не пришлось: легат сидел за центральным столом, а хозяин таверны рассыпался перед ним в любезностях, расхваливая завозные вина, пока обезумевшие от окриков слуги носились взад и вперед, вынося с кухни самые дорогие, самые лучшие припасы. Миловидный мальчик лет двенадцати разливал по изящным серебряным кубкам – наверняка извле-

⁴ *Принцепс* – во времена Республики – первый в Сенате, затем – титул правителя Рима (отсюда название – эпоха принципата). Официально титул «наилучший принцепс» Траян, судя по всему, получил позже. Но в частных разговорах его практически сразу стали так именовать.

⁵ *Стационарий* – служащий почтовой станции.

⁶ *Аполлодор Дамасский* – знаменитый архитектор Траяна и Адриана, в романе описывается построенный им мост через Дунай.

ченным из багажа самого легата – сладкий мульт⁷, призванный поднять аппетит именитого гостя.

Лонгину на вид можно было дать лет пятьдесят, хотя наверняка он был старше лет на пять-шесть. Но сразу видно – человек энергичный, сложения крепкого, несколько в последние годы погрузневший. Веселые улыбчивые глаза, совершенно не подходящие его строгому и чуть полноватому лицу, были удивительно яркого голубого цвета. Лоб высокий, волосы уже начали редеть, но Лонгин этого не стеснялся, не пытался зачесывать пряди набок.

Приск после недолгих раздумий решил, что в данном случае короткий путь – самый верный, шагнул к столу легата и произнес:

– Центурион Гай Осторий Приск приветствует тебя, легат.

Легат поднял руку в ответном приветствии:

– Здравствуй, Приск. Присаживайся. – Он указал на скамью подле себя.

В словах и жестах Лонгина была достойная неспешность, глядел он на Приска чуть исподлобья, но при этом с приятной доброжелательной усмешкой.

– Я слышал о тебе, центурион.

– Хорошее или дурное?

– Всего понемногу. Знаю, ты добился от Траяна разрешения на смертельный поединок. Но это тебя не красит: такая дерзость пахнет бунтом.

Приску очень хотелось возразить, но он стиснул зубы и промолчал, понимая: на словах все подлости Нонния описывать придется долго, легат вряд ли станет слушать защитительную речь до самого заката.

– С другой стороны, говорят, лучше тебя никто на всем лимесе⁸ не умеет вычерчивать планы крепостей, – продолжал Лонгин.

– Да, они отливаются у меня в памяти, будто медные статуи в форме, – сказал Приск.

Вольноотпущенник Лонгина, молодой человек с круглым улыбчивым лицом, мелкие черты которого были в постоянном движении, тем временем принес еще один серебряный кубок и наполнил его мультсом.

– Хвастливость – неплохая штука, но не всегда способствует карьере, – улыбнулся легат. – Расхваливай себя, молодой человек, с осторожностью. Кстати, сколько тебе лет? – Приск не успел ответить: Лонгина вовсе не интересовал возраст центуриона. – Мне необходим человек вроде тебя, чтобы рисовать крепости да карты. Но не в канцелярию, а чтоб постоянно находился при мне.

«Интересно, от кого он про меня наслышан? Может, от Декстра? – подумал Приск. – Или Адриан лично отрекомендовал? Хотя это – вряд ли. Но кто-то намеренно нахвалил. Такого везения не бывает».

– Асклепий, – обратился к вольноотпущеннику Лонгин. – Поддай-ка мне таблички того варвара.

– Косорукого, – усмехнулся снисходительно Асклепий и тотчас извлек из дорожной сумки восковые таблички, передал господину.

Лонгин открыл их и протянул Приску.

– Варвар болтал, что пришел из самой Сармизегетузы. Он что-то такое нарисовал по памяти. Но я ничегошеньки не понял из его объяснений и рисунков, – сказал Лонгин. – Надеюсь, ты мне поможешь.

Лонгин не преувеличивал: зарисовки на воске были столь условны, что разобраться в хаосе многочисленных черточек казалось делом немыслимым. Приск на миг задумался.

⁷ *Мульт* – напиток из кипяченого вина и меда, аперитив.

⁸ *Лимес* – граница.

И все же рискнул – опираясь не столько на рисунок, сколько на свою память: в тех местах позапрошлым летом ему довелось побывать.

– Вот здесь, похоже, крепость их столицы, Сармизегетузы Реги. – Приск указал стилем на скопление черточек. – А здесь, судя по всему, Фетеле-Альбе⁹, город к северо-западу от Сармизегетузы. Насколько я сумел разузнать и рассмотреть, там расположены плавильные мастерские. В городе-крепости пять больших террас и несколько десятков вспомогательных. С одной стороны Фетеле-Альбе защищает склон горы, а с другой даки построили стены. По договору все укрепления надлежало скрыть... Там снова есть ограда? – предположил Приск, еще раз посмотрев на рисунок. – Хотя это могут быть подпорки под террасами.

– А это? – спросил Лонгин, указывая на неровный кружочек дальше к северу.

– Тоже крепость, – сказал Приск. – Только совсем небольшая.

– Соглядатай видел, как туда поднимался караван, везли что-то тяжелое на мулах и лошадях. Что думаешь, центурион? – спросил Лонгин.

Приск сделал неопределенный жест. По варварским рисункам понять что-либо было невозможно. Что касается каравана, то в крепость могли попросту везти зерно из речной долины – но точно так же караван мог быть нагружен оружием.

Ясно было другое: Лонгин не доверяет царю Децебалу. Впрочем – никто из римлян не доверяет дакам. Вопрос в другом – насколько дакийский царь точно выполняет условия мирного договора.

Тем временем мультсменило альбанское вино, не слишком сильно разбавленное, посреди стола водрузили жареного кабанчика, как будто на дворе был не август месяц, а декабрьские сатурналии. Сходство с сатурналиями усиливала демократичность Лонгина: все его спутники – и ауксиларии¹⁰ из конной охраны легата, и вольноотпущенник Асклепий, и даже рабы-слуги поедали те же колбасы и почти точно такого же кабанчика, что и сам легат. И вино им наливали из одного кувшина.

– У меня есть к тебе дело, центурион, – сказал как бы между делом легат.

– Я слушаю.

– Не хочешь перейти в мою свиту?

– Я с радостью... – сказал Приск и осекся.

– Тебя что-то тревожит? – спросил заметивший колебания центуриона Лонгин.

– Только одно: у тебя, легат, маловато охраны для здешних мест.

– Охрана – не твоя забота, – заверил Приска Лонгин. – Главное – крепости. И прежде всего – крепости даков. А кстати... – опять совершенно небрежный тон и полная незаинтересованность. – Ты ведь ездил в Берзобис?

– Именно так, легат.

– По какому делу?

Приск опять на миг смешался.

– По личному. Так получилось... – Приск пытался спешно прикинуть, стоит ли говорить о цели поездки Лонгину: не уплывет ли столь необходимое ему назначение после расказа. Но тут же понял: лучше ничего не скрывать, легат так и так выведает подробности, только уже у других. Так что пусть сразу решает – брать Приска к себе или нет. – Зимой, два года назад, когда бастарны устроили рейд на Нижнюю Мезию, усадьбу моей жены разграбили...

– Ты женат, центурион? Это странно.

⁹ Об укреплениях Сармизегетузы и окружавших ее крепостях см. приложения в конце книги.

¹⁰ *Ауксиларий* – солдат вспомогательных войск. Большинство терминов, введенных автором в романах «Легионер» и «Центурион Траяна», указаны в глоссарии в конце книги.

– Официально – нет. Но я считаю Кориоллу своей женой, хотя по закону она конкубина...

Он сделал паузу в надежде, что разговор плавно утечет в сторону, и в новых вопросах и ответах потонет неудобная тема, но Лонгина, как старого бойца-гладиатора, было не так-то просто сбить с позиции.

– Я слушаю, центурион. Какие дела у тебя были в Берзобисе?

– Усадьбу в Мезии разграбили, – вернулся к прерванной фразе Приск, – матушка Кориоллы и ее младшая сестра Флорис оказались в плену у варваров. Их потом видели в обозе местного царька Сусага. Из Берзобиса тамошний ликс¹¹ прислал письмо в Эск, что среди рабов есть девушка по имени Флорис, и по всем описаниям выходило, что это сестренка Кориоллы.

– Так ты нашел ее? – живо спросил Лонгин. – Почему не везешь с собой? Денег выкупить не хватило? Оставил бы заемное письмо под свое жалованье.

Приск отрицательно покачал головой:

– Это не она. В самом деле рабыню звали Флорис, и годами молода... Но не она.

– Выходит, твоя якобы свояченица так и осталась у даков? – уточнил Лонгин.

Приск нехотя кивнул: ясно было, что центуриона Пятого Македонского легиона¹² это неофициальное родство делает уязвимым.

– Искать в этих местах пленницу – многотрудное дело и к тому же совершенно бесполезное, – подал голос Асклепий. При этом он состроил самую наигрустнейшую мину, как будто ему всем сердцем было жаль, что центурион так и не нашел несчастную Флорис.

– Пленников отправляют далеко на север за Марис¹³, – пояснил Лонгин. – Туда сбежали даки-переселенцы из долины¹⁴, там же прячутся наши дезертиры, выдачи которых добивается император.

– И там золотые и серебряные копи, – добавил Приск.

– Ты бывал на севере? – живо спросил Лонгин.

– Нет. Дальше Мариса ходить не доводилось.

– А где был? – Взгляд Лонгина вдруг сделался остер, как хороший дакийский клинок, мгновенно вспарывающий плоть. В чем в чем, а в металлах даки знали толк.

– Штурмовал Апул, Костешти, Блидару. – Приск хотел упомянуть, что уже после того, как Децебал сдался, ездил с Адрианом осматривать Пятре Рошие Приск перечисляет дакийские крепости в горах Орештие – все названия современные, названия той эпохи не сохранились. Лишь Сармизегетуза – название дакийское. } стоял на вершине Красной скалы как победитель, разглядывая тонущие в синем далеке хребты и долины. Но промолчал – Пятре Рошие вызывала у него суеверный страх.

– Что было самым трудным, центурион?

– Видеть, как разрушается этот молодой мир. Как будто убиваешь юношу, еще не вошедшего в возраст.

Ответ был неуместный, Приск понял это сразу по реакции легата.

– Это слова художника, а не центуриона, – заметил сухо Лонгин. – Центурион должен помнить, что юноша, не задумываясь, всадит кинжал под ребра солидному человеку, в виде которого ты представляешь нашу империю, надо полагать.

¹¹ Ликса – снабженец армии, маркитант.

¹² *Принцепс* – во времена Республики – первый в Сенате, затем – титул правителя Рима (отсюда название – эпоха принципата). Официально титул «наилучший принцепс» Траян, судя по всему, получил позже. Но в частных разговорах его практически сразу стали так именовать.

¹³ *Марис* – река в Дакии, совр. Муреш.

¹⁴ После окончания Первой Дакийской войны по мирному договору часть низинных земель Дакии на Валахской равнине и Банате отошли к Римской империи. Местные жители в основном ушли из этих мест.

– Которая во времена Траяна зазеленела новыми ветвями, – тут же нараспев вставил льстивую фразу Асклепий.

– Всадит клинок не только под ребра, но и в спину, – согласился Приск.

– А какая из крепостей самая неприступная?

– Сармизегетуза. Потому что мы ее так и не взяли.

* * *

Вышло как-то само собой, без всяких усилий со стороны Приска, что поутру он отправился вместе с Лонгином в Дробету. Ехал центурион впереди, за ним верхом скакало человек десять ауксилариев из охраны легата: все всадники – красавцы как на подбор, в начищенных чешуйчатых доспехах, на рослых лошадях. Остальная часть турмы¹⁵, сопровождавшей легата, ехала за четырьмя повозками. В первой, как успел заметить Приск, везли багаж и утварь легата, во второй – как стало понятно из невнятных намеков – архив и особо важные вещи. Какие именно, никто центуриону, разумеется, не доложил. Еще в две повозки загрузили тяжелую экипировку – кожаные палатки и прочий военный скарб. Если бы человек положения Лонгина путешествовал по Италии, то повозок было бы неисчислимое множество, а вместо трех рабов и вольноотпущенника за хозяином тащился бы караван прислуги, и взятым в дорогу барахлом можно было бы набить просторную виллу. Но лимес многих отучает от дурацких привычек.

Эту дорогу римские легионы проложили еще в первую кампанию, когда шли на штурм Дакийского царства вместе с Траяном, как будто не воевать торопились, а обустроить дикие места. Впрочем, хорошо проложенная римская дорога – это клинок в плоти соседнего царства, по острию которого будут течь вглубь страны торговцы с товарами и легко и быстро в случае надобности передвигаться легионы.

– Стой! – негромко крикнул центурион и сам тут же натянул узду.

– В чем дело? – спросил легат, подъезжая на упитанном и немолодом, чем-то неуловимо смахивающем на своего хозяина сером жеребце.

– Вон те елочки! – Приск указал на несколько зеленых красавиц, что выстроились близ дороги как раз за обочиной.

– И что?

– Когда ехал в Берзобис, их там не было. Они не могли вырасти за несколько дней.

– Запомнил, что здесь не было елок? Хм... – В голосе Лонгина проступило недоверие. – Может быть, это какое-то другое место?

– Их – здесь – не было, – отрезал Приск.

– Сейчас проверим. – Лонгин повернулся к своим: – Витрис! – окликнул он одного из ауксилариев. – Дай-ка мне пару дротиков. Встать в круг! – гаркнул всем истинно покомандирски.

«Тонковато будет», – усмехнулся про себя Приск, будто речь шла о пироге либо стенке в хижине, а не о построении всадников. Но легата окружили проверенные бойцы, не какие-нибудь новобранцы-тироны, и это обнадеживало.

Легат тем временем примерился и метнул дротик в подозрительные елочки. Центурион Приск оценил бросок – Лонгин вполне мог бы написать книгу о метании дротика с коня, если бы этого уже не сделал Плиний Старший. Однако бросок оказался не слишком эффективным. Правда, одна елочка странно покосилась, будто разом лишилась корней, но и только.

Тогда Лонгин, подмигнув Приску, метнул второй дротик. Человеческий вопль, полный боли и ярости, заставил сорваться с деревьев стайки беззаботных птиц. Приск тут же при-

¹⁵ Турма – отряд в тридцать человек.

крылся щитом, пригибаясь к седлу и стараясь максимально защитить себя и – по возможности – шею коня. Лонгин сделал то же самое. Залп стрел не заставил себя ждать. Две стрелы ударили в щит Приска, еще одна чиркнула по груди его скакуна и застряла в попоне жеребца Лонгина. Стрелы – как заметил Приск – летели и слева, и справа. Жеребец центуриона, не столь серьезно раненный, сколько испуганный до смерти, встал на дыбы, и Приск удержался на нем каким-то чудом.

...А из кустов к отряду уже мчались варвары. Остановись отряд Лонгина чуть позже, нападавшим до лакомой добычи было бы рукой подать, а теперь разбойничкам придется попотеть. Даки мчались к дороге кто как – одни наискось, перескакивая через кустарник и пни, оставшиеся от срубленных римлянами деревьев, другие устремлялись напрямик – чтобы уже потом ударить на охрану легата в лоб. Эта неразбериха давала римскому отряду шанс, потому как даки навалились не сплошной массой, а наскакивали группами по два-три человека. И как ни страшны были их фальксы¹⁶, дротики всадников укладывали нападавших, прежде чем варвары успевали нанести удар. Впереди на дорогу упало заранее подрубленное дерево, но рушили его варвары второпях, так что упало оно вкось и не смогло закрыть проезд полностью.

Резвый под Приском бесился, вертясь и выгибаясь. Напрасно центурион пытался сдать назад – жеребец не желал подчиняться. Приск не придумал ничего умнее, как отпустить узду. Жеребец тут же ринулся на врагов.

Летящего на него дака Приск встретил метким броском дротика. Второго, отбив удар опасного фалькса, пронзил мечом – кровь окатила начищенный понож. А следом уже мчался третий. Да что там третий – катилась целая волна, разгоряченная бегом, орущая, жарко дышащая.

Третий проскочил мимо и на миг исчез из поля зрения.

А потом Приска будто бревном долбанули в бок, и центурион летел с коня, и мир вращался вокруг – небо, деревья вдали, одинокий куст, лошадиные морды, разъявленные в крике рты. Белое, голубое, зеленое, грязно-коричневое, красное... Вспыхнуло белым, на миг оглушило.

Но лишь на миг. Приск вскочил, пошатнулся, но устоял.

Рядом почему-то никого не было. Что стало с тем, кто ссадил его с коня, центурион поначалу не понял. Да и некогда было разбираться. Как и ловить Резвого.

Первым делом – прикрыться щитом, ожидая атаки. А потом уже отступать к своим. Две стрелы ударили и застряли в обивке и дереве щита, еще одна отскочила от умбона. Повезло – центуриона нигде не оцарапало, не задело! Еще одно жало наконечника ударило в бок. Чешуйчатая лорика выдержала, не пробилась, но удар был силен. Приска шатнуло. А в следующий миг центурион оказался нос к носу с каким-то мальчишкой. Варвар – на лицо еще подросток, круглолицый, почти безусый, с набычливым лбом под охапкой светлых волос, но по сложению – местный Геркулес – высокий, широкоплечий, с фальксом в деснице.

Центурион встретил удар дакийской «косы» мечом, а сам ударил умбоном, сбивая с ног. Следом колющий удар мечом – под ребра. Второго нападавшего центурион опять встретил клинком, вслед ударил умбоном. Дак успел выставить щит, но на редкость неудачно: щит Приска развернул его и открыл для меча. Мгновенно последовал удар клинка в шею. А далее – даже не взгляд, лишь краешком глаза заметить обстановку и выбрать тактику. Справа – варвары. Слева – толика пустого пространства, чтобы проскользнуть к своим.

Бежать со всех ног!

Очутившись рядом с одним из ауксилариев – упавшим с лошади и раненым, – Приск поднял его рывком и швырнул в просвет между лошадьми. В следующий миг он уже и сам

¹⁶ Фалькс – кривой дакийский меч с длинной рукоятью.

очутился тут же. Варвары ненадолго отступили – то ли ожидали подмогу, то ли перестраивались.

– Сколько их? – спросил Приск легата.

Тот сумел усидеть на сером жеребце, хотя тот был уже дважды ранен. Но всадник со своим скакуном сросся намертво.

– Живых даков осталось пять десятков.

Выходило: даже не военный отряд, а всего лишь разбойничья ватага. Приметили нарядный плащ легата да решили поискать счастья, захватить показавшуюся легкой добычу.

Ауксилариев первоначально было тридцать. Приск себя почитал за целый контуберний¹⁷. Немного завышенная оценка, но пока что она оправдывалась. Бездоспешных варваров римляне легко доставали мечами, но коварные даки приноровились падать на колени и рубить фальксами ноги лошадям. Ржание раненых животных несло отовсюду. От этих криков, почти человеческих, полных муки, мороз продирал по коже. После того как даки отступили, раненых животных прирезали, и их туши легли еще теплым остывающим валом перед уцелевшими всадниками.

– Что будем делать? – спросил легат.

Приск не успел ответить – даки вновь ринулись в атаку. В этот раз – плотной массой, практически со всех сторон. Но – отметил про себя Приск – подмоги они не дождались. Первый залп дротиков в этот раз почти не причинил варварам вреда – нападавшие прикрылись щитами. Потом пошла рукопашная. Пока ряд пеших римлян сдерживал даков, всадники с высоты коней кололи их копьями. Несколько раненых и прислуга, забравшись на крыши повозок, обстреливали нападавших с высоты. Были бы нападавшие римлянами – построились бы черепахой, закрывшись от жалящих дротиков и копий, но варвары просто перли вперед, рассчитывая задавить массой.

В конце концов, так и не сумев прорвать строй и пробиться к повозкам, даки вновь отступили к придорожным кустам. Достать их теперь не было никакой возможности. Хуже того – у римлян закончились дротики. Даже запасные колчаны, что везли в обозе, и те успели почти все расстрелять, осталось не больше десятка.

– Они ждут подкрепления, – решил Приск. – И если дождутся – нам конец.

Лонгин кивнул, соглашаясь.

– Что предлагаешь? – спросил легат.

– Останемся на месте – погибнем. Надо атаковать.

– Что?

– Прорываться вперед. Поваленное дерево впереди не даст проехать повозкам. Придется всё бросить.

– Я не могу.

– Возьми самое ценное. Только быстро. Выпрягаем мулов, две повозки сталкиваем влево – две другие вправо и поскачем вперед. Резвый мой удрал – не видать. Значит, прорвемся. Слуги сядут на мулов. Решайся!

Лонгин оглянулся – лишь на миг, чтобы скользнуть взглядом по придорожным зарослям. Потом повернулся к Асклепию, что притулился за деревянной обивкой первой повозки.

– Выпрягаем мулов! – отдал приказ легат.

* * *

Дальнейшее снилось Приску потом не раз в различных вариантах – то повозки загорались, едва громоздкие деревянные дуры начинали сталкивать к обочине, а даки выскаки-

¹⁷ *Контуберний* – отряд из восьми человек.

вали из засады, прежде чем римляне успевали что-то предпринять, и обстреливали вспыхивающими в полете стрелами. Роем взмывали стрелы, ауксиларии падали, Приск с Лонгином оставались одни – в цепких лапах подоспевших неведомо откуда незнакомых личностей в длинных льняных рубахах. Связанные, римляне не могли пошевелиться и даже кричать не могли, потому что рот каждого стягивала веревочная узда.

Просыпаясь, Приск с трудом восстанавливал картину реальную – будто складывал черепки разбитой амфоры. Но несколькими осколками всякий раз не находилось подходящего места.

Слуги выпрягли мулов быстро и, почти не мешкая, столкнули повозки – будто приглашали варваров за добычей. А потом весь отряд устремился вперед. Приску отдали кобылу одного из погибших ауксилариев – не молодую, но послушную животину. Несколько человек, оставшихся без лошадей, посадили на мулов из повозок или за спины товарищам.

И пошли на прорыв. Расчет Приска оправдался – отряд варваров не страдал излишней дисциплиной. Увидев брошенные повозки (из одной как бы случайно выпала корзина, покатились в пыль серебряные и бронзовые кубки), самые нетерпеливые из нападавших ринулись грабить, начисто забыв, что живая добыча ускользает из тенет.

Впрочем, бегство не напоминало простую скачку – десяток варваров все же попытался задержать римлян, но безлошадный статус нападавших сыграл на руку легату и его спутникам. Из римлян из прорыва не вышли двое – остальные, не пострадав или отделавшись царапинами, сумели не только уцелеть, но и увезти мешки, названные легатом ценнейшими.

Сам Приск, опять же очутившийся на острие прорыва, прикончил одного из нападавших и сбил с ног второго.

Однако этот первый прорыв не решил дела – не проскакал отряд и четверти часа, как им наперерез из зарослей вновь выскочили даки.

– Не останавливаться! – заорал легат так страшно, что глаза налились кровью, а на лбу вздулись жилы. – Вперед!

Приск скакал слева от легата и старался не оглядываться – потому не ведал, что творилось позади, и остался ли вообще кто-то из конвоя. Это не имело значения. Главное – навстречу бежали все новые и новые даки. Приск отпустил узду полностью, щит повесил на круп кобылы, в левую руку схватил фалькс (когда и как это произошло – не мог вспомнить). Теперь каждого, кто оказывался на расстоянии удара, центурион успокаивал навсегда. Поддевал фальксом щиты, вырывая их из рук; вспаривал животы, выворачивал ребра наружу. При каждом ударе левая рука отдавалась старой глухой болью, но меч держала твердо. В десницу центурион взял спату – и если кто пытался вклиниться между центурионом и легатом – времени пожалеть об этом у него не оставалось. Когда еще через четверть часа они остановились, Приску показалось, что обе руки у него деревянные, и чудовищная боль начала сводить плечи – хоть кричи.

– Клянусь Марсом, такого я еще не видел, – признался легат. – Как тебе удалось проделать такое?

– Я много тренировался с фальксом, придумывал, как отразить удары дакийской косы. И вот надумал... это...

Центурион оглянулся. Как ни странно, они потеряли во второй схватке только троих, да среди раненых прибавилось двое. Однако останавливаться было рано – даки, насытившись грабежом, вполне могли устремиться в погоню.

Проскакав около мили, центурион заметил впереди стоящего у обочины жеребца: это его Резвый, выдохнувшись после скачки, пытался щипать траву, но мешали жесткие удила.

– Ты отличный вояка, центурион, – заметил Лонгин, когда Приск вернулся к отряду, пересев на Резвого (центурион привязался к строптивому жеребцу и не хотел менять его на другого скакуна). – Но вот чем тебе точно надо заняться – так это верховой ездой.

– Да, как только будет время...

– Раньше, чем ты думаешь. Завтра остановимся на почтовой станции. Я останусь. А ты поскачешь вперед – предупредить трибуна¹⁸ Марка Требония о том, что я прибываю.

– Зачем? – не сразу понял Приск.

– Пусть подготовится к моему приезду. Не люблю являться неожиданным гостем к друзьям. Что хорошего, если ты зайдешь в дом, а хозяин пьян, хозяйка с любовником, а рабы обжираются в хозяйском триклинии¹⁹?

Лонгин похлопал центуриона по плечу, давая понять, что знает о положении дел в Дробете и так. Некое панибратство, порой демонстративное, удивляло в Лонгине. Однако Приск не сомневался, что в нужный момент легат сумеет обозначить расстояние между собой и подчиненными. Молодому же центуриону льстило такое почти дружеское отношение, тем более что по происхождению они были ровней – вот только отцу Приска «повезло» угодить в немилость Домициана. Теперь Судьба одаривала сына «врага народа»²⁰ шансом на удачу, только рядом с удачей холодной тенью, не отставая, шагала смертельная опасность.

Но это не могло остановить центуриона.

Глава II

Старые друзья

Сентябрь 857 года от основания Рима

Дробета

К Дробете Приск подъехал уже далеко за полдень, хотя и спешил.

Город под боком крепости разрастался быстро. В первую кампанию войны с Децебалом Траян поставил на берегу Данубия, кроме крепости, еще и временный лагерь легиона, и теперь главные улицы лагеря послужили основой кардо и декумано будущего города, а земляные валы и частоколы охраняли жителей от варварских набегов. Однако, как ни велик был лагерь целого легиона, поселок в эти стены вместиться никак не мог. Поэтому одну из стен снесли, освобождая растущий организм от неудобных и бесполезных свивальных пелен. Мастерские, жилые дома, бани поднялись за пару лет, а теперь строился амфитеатр. Правда, возводили арену в основном легионеры, сейчас они мешали раствор в сооруженных из досок корытцах, подвозили щебень, таскали кирпичи.

Въехав в крепость, Приск первым делом решил зайти к себе, а потом уже обрадовать командира сообщением, что на завтра ему выпала честь принимать легата Лонгина с инспекцией. Поставив жеребца в конюшню и поручив Резвого старшему конюху (серебряный денарий в задаток за хорошую службу), центурион двинулся к своему домику. Дробета была небольшой каменной крепостью с пятью сотнями гарнизона, и распоряжался здесь военный трибун Требоний. Проживал командир в претории, а центурионы расположились в офицерских домах. В отличие от классического римского лагеря здесь имелось всего два офицерских дома – в каждом общий двор, куда выходили двери отдельных комнат. Приску в одном из домов досталась комната с кладовой. Пройдя к себе, центурион повесил мешок с привезенными вещами на гвоздь в кладовке и отворил дверь в комнату.

¹⁸ Военный трибун – старший офицер. В легионе их было шесть. Гарнизон в небольшой крепости обычно командовал военный трибун.

¹⁹ Триклиний – столовая.

²⁰ Римский политический термин.

Он почти не удивился, когда увидел, что на его кровати спит какой-то варвар, внаглую укрывшись одеялом центуриона. А на полке над кроватью – вещи этого варвара – свернутое походное одеяло да легионерский шлем, начищенный до блеска.

– Оклаций сейчас принесет жареной оленинки. Жирная оленинка, с хрустящей корочкой, вчера только по лесу бегала, – сказал наглец, потом перевернулся на другой бок и сладко потянулся.

– Тиресий, мерзавец, что ж ты с охоты да на постель!.. – возмутился Приск.

– Не волнуйся, я грязи тебе не натащил, или ты не видишь – я только из бани. После охоты – баня – первое дело!

– У тебя что, своей постели нет?

– Извини, друг, но легионерские казармы здесь дерьмо, маленькие мышинные норы, с твоими покаями не сравнить.

– Казармы как казармы. К тому же есть отдельная для бенефициариев²¹.

– У тебя все равно лучше.

– Ты хотя бы велел себя побрить.

– А если снова на дакийский берег идти? Бороду, сам знаешь, за день не вырастишь.

Тиресий сбросил одеяло и сел. Судя по тому, что его патлы и борода торчали во все стороны, он в самом деле был только-только из бани. Нестриженный и небритый, Тиресий вполне мог сойти за простолюдина-дака, которых римляне называли коматами, то есть волосятиками. Разве что слишком темн волосом – даки в основном светловолосые да голубоглазые, хотя, с другой стороны – и темноволосых среди варваров на той стороне реки полно – в жилах многих течет кровь полонянок, увезенных даками из приморских колоний.

– Слыхал от Оклация: ты ездил в Берзобис по личному делу. – Тиресий вновь потянулся.

– Да, искал бедняжку Флорис.

– Но не нашел...

– Не нашел. – Приск уселся на соседнюю кровать, где обычно спал Оклаций, шустрый мальчишка из Эска, после войны оставшийся при молодом центурионе в качестве порученца-бенефициария. – Ты недавно с той стороны, все лето на северном берегу пробыл. Что там?

– Так я тебе и сказал! Мои сведения для ушей легата Лонгина.

– Я ехал в Дробету вместе с Лонгином, нас чуть не захватили даки, – бросил Приск небрежно.

– Все равно ты – не он. Меня на такую наживку не возьмешь, – отозвался Тиресий. – Захочет Лонгин, чтобы я тебе рассказал, что знаю, – расскажу. Нет – не тебе, значит, выпало очко Венеры²².

– Ага! Старой дружбе конец?

– Ну зачем же так сразу – и в мечи? У тебя отличная комната, как я могу с тобой не дружить? – хитро прищурился Тиресий. – Но у меня приказ: сведения лично передать Лонгину. Только ему. Да ты не печалься: у нас на обед шикарная оленина, пока с докладом ходишь к Требонию, как раз прожарится. Так что поторопись.

– Тогда другое скажи: Скирона на той стороне не нашел?

Тиресий отрицательно покачал головой.

Скирон, посланный еще до начала первой кампании на дакийскую сторону изображать римского дезертира, поначалу доставлял важные сведения и даже однажды повстречался прежним соратникам, помог Малышу спастись, а Валенсу передал сообщение о чис-

²¹ Бенефициарий – буквально «благодетельствованный», легионер по особым поручениям.

²² То есть самое большое число.

ленности дакийской армии. Но потом Скирон исчез, будто в Лету канул. Центурион Валенс, правда, утверждал, что Скирон должен находиться в Пятре Рошие. Да только в этой крепости никого, кроме самого командира да парочки старых коматов, Приск не видел, когда вместе с Адрианом поднялся на Красную скалу. Погиб Скирон? Или ушел на север вместе с другими римскими дезертирами? Или позабыл, зачем его на ту сторону посылали? Ответа не было. Кажется, только старые друзья, особенно Малыш, который Скирону был обязан жизнью, и помнили о нем, пытались найти.

– А где Оклаций?

– Я же сказал: оленину жарит. Ковырялку дать? – Тиресий вытащил из кожаной сумки серебряную зубочистку, закругленную ручку которой использовали для чистки ушей. – Не хочешь? Как знаешь... – И Тиресий принялся ковырять в ухе.

Приск покачал головой: надо же, как тишина на лимесе расхолаживает ребят, вмиг забывают о божественной Дисциплине. Центурион вздохнул еще раз, тяжелее прежнего, и направился к военному трибуну Требонию с докладом.

* * *

– Что?! Лонгин приезжает? С инспекцией! Завтра?! – заорал Требоний, едва услышал новость.

– Завтра утром. Легат собирался выехать с почтовой станции вечером, чтобы внезапно нагрянуть в крепость утром, – выдал центурион заранее приготовленную басню.

– Почему... Почему я узнаю об этом так поздно?! Почему?! – Требоний голосил так, будто ему ткнули раскаленным прутком в мягкое место.

Приск на миг даже растерялся – прежде он никогда не видел военного трибуна в столь расстроенных чувствах: точно девица, у которой соперница увела выгодного жениха.

– Раньше никак не мог – я и так выехал со станции до света, чтобы поскорее сообщить тебе новость!

– Быстрее надо было скакать, быстрее!

Легат уверял, что центуриона ждет благодарность трибуна за предупреждение в виде кошелька, полного монет. Но пока было не похоже, что Требоний подарит Приску даже медный асс.

Военный трибун, начинающий заметно полнеть брюнет лет тридцати, метался по своему таблинью²³, как будто собирался немедленно мчаться верхом куда-то и не находил седла.

Тут дверь отворилась, и в таблинний просочился Фламма. Три года службы не смогли стереть с этого парня налет гражданской расхлябанности. Что и неудивительно: после окончания кампании Фламма быстренько перевелся в писцы.

Бенефициарий положил на стол перед трибуном солидный свиток. Приск с удивлением уставился на старого товарища: обе щеки его были расцарапаны так, будто некая когтистая тварь всадила ему в лицо как минимум десяток когтей и саданула ими сверху вниз. Ранки уже стали подживать, кое-где струпья отвалились, так что вид у бенефициария был еще тот.

– Отчет о поставках зерна, трибун! – доложил Фламма, ныне числившийся при канцелярии.

– К воронам твой отчет! Забирай его и тащи назад! Вели писцам навести порядок в вашем хлеву – чтобы всякий хлам на столах не валялся, документы были сложены в футляры да заперты в хранилищах под замок. Да пусть в святилище приберут, да еще...

Трибун не ведал, что добавить, и лишь махнул рукой, давая понять, что Фламма должен сам сообразить, как именно наводить порядок, и немедленно бежать без оглядки в канцеля-

²³ Таблиний – комната хозяина, кабинет.

рию с приказом трибуна. Сам же он нагнулся, совершенно не героически отключив задницу, и с головой залез в нутро стоявшего в углу дубового шкафа. Судя по тому, как внутри что-то жалобно звякнуло и затем хрустнуло, трибун наверняка лишился парочки дорогих стеклянных кубков.

Потом из шкафа высунулась покрасневшая физиономия трибуна.

– Где весы! – заголосил он. – Я спрашиваю – где весы!

– Пойдем, Фламма, дел много! – Приск подтолкнул бенефициария к двери.

Трибун тем временем во весь голос звал денщика.

– Да нет у нас в канцелярии лишнего хлама, все документы в порядке. Другое дело, что нам зерна опять не довели. – Фламма, с некоторых пор мечтавший сделаться корникулярием²⁴, с головой ушел в отчеты и сметы.

– Трибуну не до этого, а у нас есть дела поважнее.

– Какие?

– Поедание жареной оленины и выпивание крепчайшего цекубского вина. А что у тебя с лицом, Фламма? Ручную рысь завел или шлюхе в лупанарии не заплатил?

– Оклаций будет? – мрачно спросил Фламма.

– Разумеется.

– Тогда не приду! – набылчился внезапно бенефициарий.

– Это почему же?

– У нас с ним Вторая Пуническая война²⁵.

– Вторая... что?

– Пуническая война. То есть воюем, пока Карфаген не будет разрушен.

– Фламма, Карфаген был разрушен в Третью. Кто-кто, а уж ты-то должен это знать.

– Значит, Вторая и Третья одновременно.

– И кто же из вас Карфаген?

– Не знаю, – буркнул Фламма и ушел.

– Из-за чего хоть война? – крикнул ему в спину Приск, подозревая, что алые разводы на лице Фламмы имеют прямое отношение к открытию военных действий.

Но писец не ответил.

* * *

Когда Приск вернулся к себе, на столе на огромном блюде красовался целый бок жаренной туши. Оклаций успел уже попробовать мясо и теперь облизывал блестящие от жира пальцы. Раб Приска, немолодой грек с темными печальными глазами, резал хлеб и овощи, расставлял кубки. Приск купил этого парня за полцены: грек был, во-первых, немолод, во-вторых, имелся у него при многих достоинствах один существенный недостаток: жрал за двоих, и если бывал голоден, то подворовывал, и никакие побои от этой слабости отвадить его не могли. Его так все и звали – Обжора.

– Вина мало, еще принеси, – велел Обжоре Тиресий, скептически оценив размер кувшина.

Обжора, стянув на ходу кусок мяса, за что получил тут же пинок пониже спины, отправился за вином. Друзья же сдвинули кровати, устроив из них обеденные ложа, третье место Оклаций соорудил себе на сундуке – получилось что-то вроде импровизированного триклиния.

²⁴ Корникулярий – в данном случае заведующий канцелярией.

²⁵ Пунических войн было три. Вторая Пуническая – самая страшная, война с Ганнибалом.

Обедали сидя, даже на дружеской пирушке в лагере не принято было изображать сибаритов.

– Я планирую перейти на службу к Лонгину, – признался Приск.

– Сам хочешь или легат пожелал, чтобы ты перешел? – уточнил Тиресий.

– Вообще-то... тут желание взаимное.

– А, ну если так... – Тиресий многозначительно приподнял брови. – Для хорошего траха – это первое дело. А вот для службы...

– Кажется, ты что-то имеешь против Лонгина?

– Лично я – ничего. – Тиресий довольно долго работал челюстями молча, потом, поковыряв серебряной зубочисткой в зубах, добавил: – Довелось мне слышать, что Лонгин – человек странных поступков. Не так безумен, как Корнелий Фуск, разумеется. Тот сумел угробить пятнадцать тысяч крепких ребят на перевале Боуты и сам там остался. Лонгин же иногда поднимает паруса и мчится к намеченной цели, позабыв про рифы и течения. Ты готов к такой службе?

– Сидеть на одном месте и отбывать годы я точно не готов! – внезапно раздражился Приск и швырнул обглоданную кость под стол. – Тем более теперь, когда Кориолла... Сам знаешь. Я должен вернуть положение, утраченное моей семьей.

– А, ну тогда тебе точно к Лонгину, – заключил Тиресий.

– Тебе, старик, вроде как нравилось в Дробете, – напомнил Оклаций. – Этот грандиозный мост...

– Мост уже построен, – сухо заметил Приск. – К тому же это была дерьмовая работа.

– А у Лонгина? – не унимался Тиресий.

– Мне нравится, – отрезал Приск.

– Ну что ж, если ты так решил – тогда за успех Лонгина! – поднял кубок Тиресий. – А по мне – так лучше всего попасть в страну Обжория, да там поселиться.

– Обжория... хе-хе... – тут же подал голос вернувшийся раб, любое упоминание о еде не оставляло его равнодушным.

– Может быть, тебе больше подойдет страна Выпивания, Тиресий? – предположил центурион, несколько обиженный холодным отзывом о его планах.

– О да, в Выпивании, надо полагать, тоже жить недурно, – миролюбиво отозвался Тиресий. – Да только опасаюсь, для нас эти благословенные времена наступят не скоро, и ждет нас отнюдь не Выпивания, а как минимум Односисия, – Тиресий обозначил рукою выпуклость на одной стороне груди, – но, увы, не сулящая утех нашим природным мечам, а только забавы мечам железным²⁶.

– Отличная оленинка, – заметил Приск. – Как охота нынче?

– Охотничьи угодья далековато. Ну ничего – нам три дня выпало от души порезвиться.

– Так щедр был военный трибун?

– Просто мы умны. А уж Оклаций хитер как ворон. Догадайся, что он учудил!

Приск пожал плечами.

– Начало истории печальное. – Тиресий изобразил трагическую мину. – Был у нашего Оклация щенок, да вот незадача – подавился костью, проткнул себе что-то внутри да издох. А вот дальше... – Тиресий сделал значительную паузу. – Наш Оклаций, хитроумный как Улисс, придумал вот что: шкуру со щенка снял да покрасил, потом аккуратно постриг хвост, так что вроде как кисточка получилась, да показал трибуну и заявил, что добыл на охоте львенка.

²⁶ *Тиресий и Приск* – оба, несомненно, знакомы с комедиями Плавта, откуда они и позаимствовали названия выдуман-ных стран Обжория и Выпивания и название земли Амазонок – Односисия (в Античности полагали, что амазонки отрезали себе одну грудь, дабы сподручнее было стрелять из лука).

– И трибун поверил? – недоверчиво хмыкнул Приск.

– Ха! Еще как! Аж глаза загорелись. Не заметил – что шкура-то с двух сторон крашеная, будто львы и изнутри желтые. Не утерпел, тут же потребовал вести себя на место, где якобы львы водятся. Мы и повели – накануне мы там следов этих самых львиных наделали, пока ездили на разведку. Требоний даже в седле подпрыгнул, как увидел следы, – решил Адриана за пояс заткнуть – тот, говорят, льва на охоте убил самолично, а Требоний наш мечтал Адриана переплюнуть.

– Львы тут не водятся.

– Это ты знаешь. А Требоний по окрестностям три дня гонялся. А мы тоже гонялись – правда, в стороне. Подстрелили парочку оленей.

– Не зря тебя, Оклаций, сделали бенефициарием, – заметил Приск.

– У меня еще пара задумок в запасе, – скромно потупился жулик.

В этот момент дверь распахнулась, и на дружескую пирушку пожаловал Фламма.

– Сюда, стилоносец! – весело воскликнул Оклаций, пододвигаясь и освобождая для товарища место.

– С тобой не сяду! – заявил Фламма, ставя на стол кувшин вина (тем самым внося свою лепту в дружескую пирушку). – Только с Приском.

– Как скажешь, – хмыкнул Оклаций. – Приск у нас красавчик!

– Убыю! – рыкнул Фламма. Правда, в рычании его прорывались визгливые нотки.

Центурион подвинулся:

– Садись, старый друг. Садись и насыщайся. А тем временем рассказывай, из-за чего у вас тут Пуническая война. Кто тот Катон²⁷, что требует разрушения Карфагена?

– Не Катон, а Клавдий²⁸, – буркнул Фламма с набитым ртом и больше ничего добавить не смог: восхитительная оленина отбила желание болтать.

– Дозволь мне рассказать, как стороне незаинтересованной, – предложил Тиресий. – Для речи прошу поставить клепсидру, пусть вода отмеряет время и пресекает мое многоречие.

– Тиресий, оставь свои азиатские выкрутасы²⁹, – попросил Приск.

– Ну хорошо, буду лаконичен. Всему причина в самом деле Клавдий. Наш друг Фламма, с некоторых пор также друг всех здешних писцов, в своей неистребимой страсти рассказывать всем подряд разные исторические басни, поведал историю о забавах Калигулы, причем о забавах, на фоне прочих причуд этого императора, вполне безобидных. Дядюшка Калигулы Клавдий любил вздремнуть после сытной трапезы прямо на обеденном ложе. Как только Клавдий засыпал, услужливые сотрапезники Калигулы надевали на руки Клавдию башмаки да завязывали ремешки, а потом внезапно будили. Со сна Клавдий тут же начинал тереть себе лицо, а прочие обедавшие при виде этого покатывались с хохоту. История эта так понравилась Оклацию, что он в ту же ночь нацепил спящему Фламме на руки калиги, а в третью ночную стражу проорал над самым ухом: «Тревога!» Фламма вскочил, в темноте ничего не видя, принялся тереть глаза и расцарапал себе всю физиономию гвоздями подошв. Хорошо хоть глаза не повредил.

– Шутка грубая, – заметил Приск, – и между друзьями неуместная.

И хотя говорил он строго, внутренне хохотал, представляя, как растрепанный Фламма вскакивает посередь ночи с постели и трет руками, обутыми в калиги, физиономию.

– Вот и я то же ему сказал, – буркнул Фламма.

²⁷ Катон Старший каждую свою речь в Сенате завершал словами: «А еще я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен».

²⁸ Клавдий – римский император, дядя императора Калигулы.

²⁹ Азиатский ораторский стиль отличался вычурными цветистыми сравнениями.

– Одно непонятно, – продолжал Приск все тем же ровным, лишенным всяких интонаций голосом. – Как можно надеть на руки человеку калиги, чтобы тот не проснулся?

– Наш Оклаций может не только калиги, но и котурны³⁰ надеть, а спящий и не дернется, – отрекомендовал товарища Тиресий.

Фламма тем временем допил вино и сообщил:

– Ну ничего, я тоже шутку в ответ устроил. Тебе, Оклаций, понравится!

Фламма самодовольно фыркнул, нацелил палец на Оклация и произнес, пьяно растягивая слова (хмелел он быстро):

– Я тебя из списка на выплату жалованья вычеркнул! Как не блюдущего Дисциплину...

– Что?!

Оклаций метнулся через стол к Фламме, нож нацелил в горло, но центурион успел руку парня перехватить.

– Розог захотел? – спросил, глядя подчиненному в глаза и стискивая запястье так, что пальцы Оклация разжались, и нож со звоном упал на столешницу.

– Я пошутил, – пробормотал разом протрезвевший Фламма и запоздало отодвинулся. – Ниоткуда я тебя не вычеркивал, нет у меня такой власти.

– Нож-то, нож... погляди, – выдохнул Оклаций, корчась от боли.

Приск разжал пальцы, поднял упавший на блюдо с олениной нож. Тронул лезвие. И присвистнул. Во-первых, металл был плохо заточен, во-вторых, сам клинок не закреплен в рукояти, стоило коснуться острием чего-то твердого, как клинок тут же прятался в рукоять без остатка.

– Зачем это? – изумился Приск.

– Полезная штука, – отозвался Оклаций, морщась и массируя запястье (пальцы у Приска были железные). – Я один раз отца обманул. Тот стал меня ругать да палкой охаживать. Я орать: «Сил нету!» Отбежал в сторону, встал поудобнее, чтоб всем во дворе видать было. Ну и ножичком р-раз! В живот. Матушка – визжать, да на отца с кулаками. Волосы ключьями у него выдергивала. А я смирно так лежал без всякого движения. Наблюдал. Весело было. Ну и еще пару раз ножик мой пригодился. – Оклаций скромно потупил глаза. – Я нарочно рукоять в красный цвет покрасил – чтоб не перепутать с настоящим ножом.

– Всё, хватит, прекратить! – рявкнул Приск, сам не замечая, что интонациями подражает Лонгину. – Больше никаких розыгрышей. Руки пожать и прежнюю дружбу восстановить.

– Может, еще и облобызаться? – спросил Оклаций.

– Если есть охота, – ответил Приск.

Друзья-враги пожали друг другу руки, а потом – к удивлению и Приска, и Тиресия – обнялись.

– Мир? – широко улыбнулся Оклаций, и взгляд у него был наивный и наглый одновременно.

– Мир! – буркнул Фламма. – Но будешь получать жалованье – хорошенько пересчитай!

– Я кому сказал! – возвысил голос Приск, будто не центурион, а судья или – бери выше – Юпитер-Громовержец, следящий за исполнением клятв.

– Да я молчу! – Фламма схватил новый кусок оленины и спешно запихал в рот.

Оклаций наполнил свой кубок. Улыбнулся. И спрятал за пояс фальшивый нож.

«Эх, почему бы в самом деле богам не заставлять правителей точно так пожимать друг другу руки, забывая о старых обидах и восклицая: „Мир!“ Почему бы Траяну и Децебалу не

³⁰ Котурны – высокие башмаки со шнуровкой «на платформе», непременная обувь трагических актеров. Зашнуровать котурны было не в пример тяжелее, чем затянуть ремешки на калигах.

обняться как равным и не заключить союз, настоящий союз, а не лживый договор, который каждый из них мечтает нарушить?!» – мысленно воскликнул Приск.

Но центурион и сам понимал, что задает вопрос риторический.

* * *

В эту ночь гарнизону в Дробете было не до сна. Рабы, ауксиларии и легионеры носились взад и вперед, готовились, чистили, прибирали. В общем, доделывали за день все, что за год не успели доделать. Бани затопили еще с вечера, как будто собрались перемыть весь гарнизон. Военный трибун Требоний, за все время службы ни разу не побывавший в серьезных сражениях, до дрожи в коленях боялся любых инспекций. Если бы ждал Траяна с проверкой, то, верно, не дожил бы до утра, сердце бы разорвалось у бедняги, – но тут как-то выдержал. В обычные дни приятный молодой человек, не наглец и не дурак, в такие часы становился несносным придирой. Он не только кричал, понукал, грозил расправой, но и носился всюду, больше мешая, нежели в самом деле налаживая работу. Уже на рассвете измотанные до полусмерти рабы заматали по углам остатки мусора и белили бараки.

На остров посреди реки (как раз позади моста за поворотом) отправили быстроходную либурну с дозором проверить: не высадился ли там кто без разрешения римлян. Вторая либурна курсировала выше по течению. Мост ей был, разумеется, не помеха. Да что там либурна! Под любым из центральных пролетов легко бы прошел огромный корабль из тех, что возят в Италию хлеб из Египта. Правда, только по низкой воде.

* * *

Поутру Приск в начищенных доспехах с алым поперечным гребнем на шлеме наблюдал за происходящим с отстраненностью зрителя, крутя в пальцах вырезанную из лозы палку центуриона. Поскольку под началом Приска не было своей центурии, палка эта играла роль чисто символическую и годилась разве что на то, чтобы вытянуть вдоль хребта нерасторопного раба, что вздумал выгружать амфоры из повозки, перегородив дорогу. И это в то время, как Лонгин должен был вот-вот появиться!

– Освободить проезд! – крикнул центурион, сообразив, что даже снисходительному Лонгину не понравится, если у него на пути застрянут повозки торговца. – Прочь с дороги, тупица! Или я перебыю все твои дурацкие амфоры!

– В чем дело? – повернулся к центуриону богато и ярко разряженный хозяин повозки, и Приск узнал в нем вольноотпущенника Гермия. Бывший легионный раб Пятого Македонского легиона разбогател на Дакийской войне и не только выкупился на свободу, но и сделался компаньоном ликсы Кандида.

– Будь здрав, Гермий! – приветствовал Приск прохожу. Тому чрезвычайно нравилось, когда к нему обращались уважительно, будто к свободнорожденному.

– Что здесь случилось? – недоуменно закрутил головой вольноотпущенник.

– Легат Гней Помпей Лонгин приезжает, – сообщил Приск. – Доверенное лицо самого императора, командующий всеми вооруженными силами на лимесе. К полудню как раз и будет.

– Тот-то, гляжу, трибун носится, будто ему редьку в задницу запихали.

– Неуважительно говоришь о трибуне, Гермий.

– Угу, просто из кожи вон лезет, чтобы угодить Лонгину! – пропустил замечание мимо ушей компаньон ликсы. – Глянь-ка, глянь, мостовые аж вымыть велел.

Гермий огляделся воровато, потом вытянул шею и неожиданно шепнул на ухо центуриону одними губами:

– По дружбе старой тебе одному: мы с Кандидом от Цезерниев из Аквилеи новую партию оружия привезли. И еще заказали. По мастерским здешним пока приказов не было – фабры тихо сидят, заняты мелким ремонтом. Но в Аквилее, будто в кузнице Вулкана, грохот да жар, жар да грохот.

– Обычное оружие для новичков или ветеранам на замену. Я слышал, вооружают новый Второй Траянов легион.

– Новый легион, к чему бы это? – хитрее прежнего прищурился Гермий.

– Земли на северном берегу реки охранять.

– Думай, как хочешь. – Гермий обиженно поджал губы. – А еще лучше расспроси своего приятеля Тиресия. Неужто он тебе ничего не сказал? – Гермий демонстративно отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Данубий, вырываясь из скальной теснины, возле Дробеты разливался широко и вольготно. Приск стоял на мосту и смотрел вдаль, вверх по течению. Небо было синим, и таким же радостно-синим становился Данубий, впитывая в себя небесную лазурь, меняясь подобно Протею.

Поначалу казалось, что построить через такую реку постоянный мост – дело невыполнимое. Но Рим справился – как всегда. Приск прежде всегда полагал, что на такой-то стройке, к которой римляне относились как к важному сражению, он сумеет отличиться. Как бы не так! Он-то планировал заняться чертежами да расчетами, а вместо этого Аполлодор решил, что юному центуриону самое место на строительстве каменных опор. При канцелярии сумел устроиться Фламма – почерк у него был идеальный, да и считал он быстро, чуть ли ни мгновенно, Аполлодор таскал бенефициария за собой и все время давал задания что-то считать. Приска же поставили руководить центурией саперов: когда летом Данубий обмелел, саперы вбивали в дно шпунтованные дубовые сваи, в пазы закладывали крепкие доски, потом воду откачивали помпами: Филон, умница, самолично руководил их изготовлением. Впрочем, карьера Филона на строительстве моста Аполлодора оказалась столь же проблематичной, как и возвышение Приска. Филон был клиентом Адриана, Аполлодор же терпеть не мог племянника Траяна – за то, что тот, будучи римлянином, пытался с ним, греком, соперничать в архитектуре и математике. Так что Филону доверили только изготовление машин, обслуживающих строительство. Приск же следил за тем, чтобы на низко сидящих суденышках постоянно подвозили потребную смесь для бетона – песок с обожженным мергелем да битый кирпич. Центурион сновал туда-сюда на крошечной лодчонке с парой гребцов, давал указания, подгонял лодырей, контролировал пропорции смеси, следил за тем, чтобы строителям доставляли тесаный камень без задержки, а рабы на помпах работали не останавливаясь, но и не свыше сил – менял пары каждую стражу. Туника была с утра до вечера мокрой, голос сорван – за грохотом стройки приказы приходилось орать, будто в самой гуще сражения, от едкого раствора с рук сползала кожа. Вечером центурион растягивался на койке, но только начинал засыпать, как перед глазами начинали прыгать мелкие речные волны да мнилось – кровать качается и уплывает утлой лодчонкой за поворот реки. В те дни Приск думал лишь об одном: когда же треклятые быки поднимутся выше уровня воды! Тогда, он надеялся, наступит хоть какое-то облегчение. Но просчитался: лишь только начали подниматься опоры над водою, как центурию Приска отправили строить стену по берегу – огораживать будущий порт. Теперь центурион издали смотрел, как растут над водой грандиозные опоры моста – каждая по сто сорок футов высотой и шестьдесят – в ширину. Мост строился не на годы – на века. Архитектор из Дамаска раздувался от гордости, когда запечатывал послание императору с известием об окончании строительства каменных опор, честолубивый грек

ожидал личного приезда Траяна – поглядеть на новое чудо, но император так и не приехал. Зато вызвал Аполлодора в Рим – в столице намечалось строить нечто грандиозное. Так что уже без пригляда главного архитектора деревянные конструкции сложились в изящные арки, и прямая стрела моста длиной в четыре тысячи футов легла на плечи берегов от одного к другому.

С тех пор Приск понял одно: грандиозность замысла ничего не гарантирует отдельному человеку. Главное – место, которое ты займешь. Если с краю – то и возведение великолепного моста покажется тебе ничуть не лучше строительства городской клоаки. Но Приск больше не собирался оставаться в дураках, держать, как Антей, неподъемный каменный свод, когда другие ловкачи лакомятся яблоками. Теперь он будет в центре, даже если это место сопряжено с риском.

На мосту тем временем кричали, вопили, суеились люди: в последний момент Требоний приказал установить на арке моста присланную из Рима статую своего отца императора. Статую эту привезли из Рима еще месяц назад, но она так и стояла в Дробете, пока в последний момент Требоний не вспомнил, что с пренебрежением отнесся к отцу нынешнего императора, консуляру Марку Ульпию Траяну³¹, и посему приказал срочно украсить статуй мост.

Теперь статуя беспомощно висела на клюве подъемного крана, а упревшие от натуги рабы вращали колесо из последних сил. Фабр, задрав голову, в отчаянии смотрел, как покачивается в воздухе несчастный медный консуляр, будто повешенный.

– Что делать? – в отчаянии повернулся он к центуриону.

«Сбросить в реку», – едва не сказал Приск.

Но вовремя опомнился.

– Оставьте так. Наверняка на Лонгина произведет очень *сильное* впечатление.

И тут как раз раздался сигнал – Лонгин приближался к Дробете.

* * *

Военный трибун в сверкающем анатомическом доспехе, из-под которого на бедрах во все стороны топорщились белые птериги из новенькой кожи, сделался пунцовым от волнения, когда увидел Лонгина, въезжающего на дородном сером жеребце в ворота лагеря.

Лонгин не зря провел день на почтовой станции: в начищенных доспехах с пышным плюмажем на шлеме, он выглядел как и положено выглядеть приближенному к императору легату, как будто не было никаких стычек в дороге, и Лонгин не оставил в лапах разбойников практически весь свой багаж.

Тиресий, благополучно проспавший побудку, встал рядом с Приском в самый последний момент, уже когда весь гарнизон выстроился для встречи важного гостя. Лонгин легко спрыгнул с жеребца и принялся обходить шеренги легионеров. Если он и замечал какие-то недочеты, то вслух ничего не говорил, лишь кивал время от времени, судя по всему, одобрительно.

Очутившись рядом с Приском, Лонгин остановился и сказал, будто старому приятелю:

– Вечером жду на обед. Ты, центурион Приск, приглашен, – потом скользнул взглядом по лицу Тиресия и добавил: – Бенефициарий – тоже. После обеда поговорим. Обо всем.

³¹ Марк Ульпий Траян – отец императора Траяна. Предыдущий император Нерва усыновил Траяна, дабы сделать его своим наследником.

* * *

О делах заговорили, когда все приглашенные насытились и большинство уже покинули триклиний. Остались, кроме самого легата, только Требоний, Приск, Асклепий и Тиресий, для них принесли легкое, сильно разбавленное вино, и начались возлияния. Только вместо шутливого трепа разговор был самый что ни на есть серьезный.

Прежде всего Лонгин приказал Тиресию рассказать о его поездке в дакийские земли, обстоятельно и не торопясь. Поздней весной и половину лета Тиресий вынюхивал, соблюдают ли даки заключенный с Римом договор, в самом ли деле Децебал срыл крепости, как обещал Траяну, когда склонял непокорную голову перед римским императором.

– Я побывал в Деве³², – начал свой рассказ Тиресий. – Крепость уничтожена до основания, и никто вроде там не бывает. Тихо все... Да только тишина обманчива. Подле Девы есть карьеры андезита – так вот, там по-прежнему рубят камень. Даки говорят – для своих святилищ, да только как проверишь – для чего на самом деле. Что касается крепости, то камни из стенной кладки не раскиданы и не разбиты, а сложены аккуратно. Знаешь эту дакийскую кладку – она без глины, с деревянными костылями. Взял – разобрал. Взял – собрал... Если Децебал прикажет, его люди вмиг сложат стены вновь. Из Девы я двинулся дальше вверх по Марису. На первый взгляд кажется – все тихо. Даки из тех, что живут в горах, вообще по большим рекам на открытых местах крепости ставят редко.

– А что Апул? – спросил Лонгин. – Тоже отстраивают?

– Нет, – покачал головой Тиресий. – Апул срыли до основания. Там все чисто – в прямом смысле этого слова. Даже камней от фундамента не найти. Стены разобрали по камешку. Не иначе – на новую крепость где-то недалеко.

– Сармизегетуза?

– В столице не был. Но разговаривал с ауксилариями, что отвозили оружие да припасы нашему гарнизону в лагерь на Бистре³³. Ребята после первого снега сидят практически взаперти. Вот и Приск подтвердит: зимой на этих склонах не погуляешь – мороз такой, что руки примерзают к оружию, а без длинных штанов лучше из дома не выходить, если яйца дороги.

Приск, несколько замешкавшись, кивнул: дело в том, что как раз он в тех горах в начале зимы не бывал – раненого, его отправили в лагерь Четвертого легиона в Берзобисе. Но про морозы, метели и стужу так красочно рассказывал Кука, что Приск как будто наяву видел снежную круговороть, заросшие буками и елями склоны и римские легионы, отступающие по узкой, только что прорубленной в лесу дороге. Так и не нашли они в первую кампанию дороги к Сармизегетузе.

– Что творится вокруг, наши ребята не ведают, – закончил Тиресий. – Говорят – чувствуют себя слепыми кротами в чужой норе.

Лонгин кивнул. Трудно было не согласиться. Сам он уже дважды объезжал новые владения Рима на северном берегу Данубия-Истра. На западе даки грабили языгов и загоняли их в горы, на востоке каждый день горели римские поселения.

– Думаешь, Децебал не смирился? – спросил Лонгин.

– Смирился? – ухмыльнулся Тиресий и покачал головой. – Смирным его сделают ледяные воды Стикса, да и то я в этом не уверен. Но полагаю: сейчас ему в драку лезть нет

³² Дева – название современное. Теперь на скале стоит средневековая крепость, но прежде там находилась крепость дакийская. Дева – искаженное «дава», окончание названий многих дакийских укрепленных городов.

³³ Военный лагерь на месте будущей столицы римской Дакии, получившей название Сармизегетуза Ульпия Траяна (по одной версии – во времена Адриана, по другой – уже при Траяне).

выгоды. Людей мало. Слишком много погибло на прежней войне – лет десять придется ждать, пока новое поколение вырастет.

– Он может кликнуть вождей с севера и хорошо заплатить, – предположил Приск.

– Заплатить могут и римляне дакийским золотом. Варварские вожди это понимают, – хмыкнул Лонгин. – Особенно языги. Кто-кто, а языги даков ненавидят, как и те – их. Там у них очередная драчка, языгов побили, и теперь побитые вожди шлют жалобы императору.

Приска удивляла простецкая, намеренно примитивная речь Лонгина. Сам центурион порой любил щегольнуть витиеватой фразой или греческой цитатой, хотя с годами желание это появлялось все реже и реже, а привязывались, засоряя речь, нелепые поговорки и выражения или вовсе варварские словечки.

– Так ты полагаешь, Тиресий, Траяну надо первым напасть, пока Децебал не собрался с силами? – спросил вдруг Лонгин у разведчика.

– К сожалению, Траян давно меня не приглашал к себе в совет, чтобы обсудить эту проблему, – совершенно серьезно ответил Тиресий. – А жаль. Я бы, к примеру, рассказал императору, как даки нас обдурить хотели. Предъявили крепость недалеко от Девы. Это ниже по течению Мариса, там река петляет, как перебравший неразбавленного вина легионер. В самом деле, крепость разрушена, но вот только меж камней деревья выросли. Не хиленькие такие деревья, лет по тридцать – сорок, не меньше. Кое-где даки их срубили, но пни-то остались торчать. То есть крепость эта разрушена уже полвека. А даки нам ее демонстрируют. Думают, все римляне – идиоты.

– А разве нет? – спросил Приск.

– Бывают исключения, – хмыкнул Тиресий.

– Я уже дважды писал Децебалу. Изложил подробно свои претензии, – проговорил Лонгин задумчиво, – а в ответ получил заверения, что царь свято блюдет принесенные клятвы. Не уточнено было, правда, какие. Ну что ж, придется написать снова. Асклепий, – повернулся Лонгин к вольноотпущеннику, – подай мне таблички.

Приск не сомневался, что посланцем наверняка будет опять тот косорукий, что испещрил воск немыслимыми закорючками.

– Пусть этот наш гонец хотя бы зарисует крепость Сармизегетызы, – предложил центурион. – А еще лучше... – Приск на миг задержал дыхание, будто прыгал в воду с высоты. – Отправь меня гонцом.

Тиресий уставился на старого товарища с изумлением, как будто спрашивал взглядом: не повредился ли тот головой?

Лонгин холодно улыбнулся:

– Думаешь, кто-то пригласит тебя внутрь? наших посланцев не подпускают к столице. Если почтари что и видят, то только стены Фетеле-Альбе. Я потребовал от Децебала показать лично мне все крепости. Только так можно развеять сомнения.

– Не слишком ли это опасно? – спросил осторожный Требоний.

– Я бы многое отдал, чтобы увидеть Сармизегетузу!

– Нет! – воскликнул Тиресий, будто попробовал запоздало остановить полет выпущенной стрелы. – Не надо высказывать желания. Так высказывать. Они иногда сбываются.

– Не тебе указывать, что делать легату, легионер! – Впервые, кажется, Лонгин одернул подчиненного столь жестко. А потом еще и добавил: – Терпеть не могу прорицателей!

Воцарилось молчание. Приск и Тиресий переглянулись, а Лонгин провел ладонью по лицу, будто пытался стереть маску внезапно нахлынувшего гнева.

«Он попросту смертельно боится предсказаний, – подумал Приск. – Что ж такого страшного ему напроорочили?»

Неприятное предчувствие заставило невольно поежиться. Кажется, впервые Приск пожалел, что месяц назад, теплым августовским вечером так легко согласился на странное предложение...

Глава III Послание

*Начало августа 857 года от основания Рима
Эск, Нижняя Мезия*

Всадник скакал с севера. Судя по тому, что скакун шел крупной рысью, всадник поменял его на почтовой станции – а значит, был не путешественником или частным почтарем, а состоял на императорской службе.

Густой туман, поднимавшийся над болотистой равниной, ветер с реки неохотно отгонял в сторону. Караульный на сторожевой башне лагеря Пятого Македонского подался вперед, придерживаясь рукой за зубец. Всадник с севера – значит, из Дробеты, Понтуса или даже Виминация. Седая пакля тумана на равнине вокруг лагеря напоминала о грядущей осени, а за ней – зиме. А зимой на лимесе всегда тревожно. И хотя даки уже два года не появлялись на южном берегу Данубия, все равно память о старых набегах закрутила мутный водоворот в душе караульного. Сам он служил на лимесе восьмой год, дважды с армией Траяна ходил на дакийскую сторону, лично видел склонившегося перед императором царя Децебала, но все равно не верил в прочность мира в этом краю.

Всадник тем временем был уже близко – караульный разглядел посеребренную лорику центуриона, крыльями бьющийся за спиной плащ и почерневшую от пота шкуру гнедого коня.

«Плохие вести», – решил караульный.

Но, к его удивлению, всадник завернул не к воротам лагеря, а поскакал на юг – к канабе, и перешел с рыси на шаг – как ни торопился центурион, а коня пожалел. Караульный на башне проводил центуриона взглядом и понимающе усмехнулся: всадник спешил не по служебным делам, а домой, к семье. Вот те на! А коня он точно поменял на почтовой станции – скакуна этого караульный видел не раз – и все под бенефициариями наместника Нижней Мезии. Хороший скакун, абы кому не дадут.

Подъехав к воротам канабы, центурион соскочил на землю и повел жеребца под уздцы. Гнедой, покрытый пеной, рассерженно фыркал и мотал головой. Впрочем, центурион шагал споро, бесцеремонно расталкивая встречных свободной рукой. Заметив посеребренную кольчугу, жители поселка – в основном ветераны да их домашние – старались давать служилому дорогу. Центурион был в полном вооружении – в кольчуге, при мече и кинжале, в поножах, только шлем висел у него на плече – так носят его в походе. Судя по всему, центурион уже давно в пути – плащ из красного сделался буро-серым, а на лице – неприлично молодом для центуриона – пот и пыль, смешавшись, оставили грязные разводы. Можно подумать, что приезжий спешит к декуриону канабы – но нет, он быстро свернул с кардо на параллельную улицу, а потом и вовсе в какой-то закуток, где лепились друг к другу построенные из обгорелых бревен да старых камней лачуги, и вышел к дому, больше похожему на небольшую усадьбу. С привратницей (у двери которой бессовестно дрых серо-желтый лохматый пес) и с надворными постройками – конюшней и кладовой. Пес, проснувшись, радостно гавкнул, вскочил, завилял хвостом и ринулся к центуриону, норовя встать лапами на плечи и лизнуть в лицо.

– Тихо, Разбойник! – одернул его центурион и грохнул кулаком в дверь, вызывая привратника, который обретался где-то в доме, вместо того чтобы сторожить дверь.

Привратник вскоре явился – немолодой, изуродованный человек с безобразно вылезающим на сторону глазом, отчего казалось, что смотрит старик одновременно на запад и восток.

– Где Кориолла, Прим? – спросил центурион.

– Дома, господин.

– Как она?

Прим замялся, потом сказал:

– Капризная стала до жути. Прежде такая добрая была! А сейчас: не терплю это, не хочу то... Но делать-то нечего, просто переждать надо.

– Я о здоровье.

– Госпожа в здравии.

Центурион, до этого смотревший на старика напряженно, почти с ужасом, теперь облегченно выдохнул, согнувшись, и даже рукой оперся на стену.

– Кликни кого-нибудь! Пусть отведут Гнедого в конюшню. И надо выводить скакуна – я его чуть не загнал. Да прикрыть попоной. А то придется выплачивать за жеребца из собственного жалованья.

– А чего не на Резвом-то? – спросил Прим.

– Уж больно бешеный. Я его в конюшне пока держу.

– Я Белку кликну. Он с конями чуть ли не разговаривает.

Однако вместо слуги с забавным именем Белка из дверей вышел смуглый невысокого роста крепыш, выправки явно военной, но одетый просто, по-домашнему.

– Приск, дружище, я ж говорил, ты сегодня прискачешь! – Крепыш обнял центуриона, будто медведь-подросток облапил.

– Ты что ж не в лагере, Кука?

– У меня отпуск, небольшой такой отпуск, – хитро ухмыльнулся крепыш.

Ясное дело, дал взятку центуриону, вот тебе и отпуск.

Измученным же скакуном занялся сам Прим, так и не дождавшись запропастившегося неведомо куда Белку, – взял под уздцы и повел к конюшне.

– Где Кориолла? – на ходу спросил Приск, открывая дверь и попадая напрямик во внутренний садик-перистиль.

Мог бы и не спрашивать – Кориолла сидела тут же на скамейке, греясь в лучах еще нежаркого утреннего солнца, косо заглядывавшего в перистиль, и что-то писала бронзовым стилем на восковых табличках.

– Гай! – Она едва-едва поднялась – и тут же очутилась в его объятиях.

Впрочем, центурион тут же отстранился и оглядел ее. Кориолла была в тягости и уже больше половины срока до родов отходила.

– Как ты? – спросил Приск, чувствуя, как губы сами расплываются в улыбке.

– Толкается. – Она тоже улыбнулась – растерянно и радостно, как умеют улыбаться только беременные женщины, сознавая себя посвященными в самые загадочные мистерии жизни.

– А мы его приструним. – Центурион положил руку ей на живот. Впрочем, положил осторожно, будто там, под тканью старенькой, не раз стиранной домашней туники, находилось хрупко-стеклянное, способное пострадать от одного неловкого прикосновения – не то что грубого движения.

– Ой, – ахнула Кориолла. – Ты почувствовал?

Приск молча кивнул. И смешно поджал губы, будто наозорничавший мальчишка.

– Да что ж это я... – спохватилась Кориолла. – Ты с дороги в баню наверняка хочешь. Иди, иди, мойся, а я пока соберу поесть – специально приготовила твои любимые колбасы. И вино хиосское у нас.

– Поставь на стол неразбавленным, – попросил Приск. И, как только Кориолла ушла на кухню, оборотился к Куке, который тоже вышел в перистиль – домом они владели на пару, и садик был общий, как конюшня и кладовая. – А теперь объясни, что за письмо ты мне прислал? Почему насочинил неведомо что, будто Овидий в «Метаморфозах»?

Кука подмигнул – кому, Приск не понял, потому что старый товарищ подмигивал вовсе не Приску, а кому-то неведомому, хотя в перистиле они были только вдвоем, и сказал:

– Кориолла верно решила: сначала помойся с дороги, а там и разговор будет.

* * *

Бани в доме Куки и Приска не было – не тот статус. Зато бани общественные, наскоро восстановленные после разграбления канабы бастарнами две зимы назад, имелись, и Приск отправился туда мыться. Белка, бессовестно дрыхнувший под лестницей, был наконец найден, разбужен и отправлен с господином – сторожить вещи, пока Приск нежится в горячей ванне в кальдарии.

Погрузившись в воду, центурион прикрыл глаза, кажется, впервые с того момента, как получил в Дробете письмо.

Это было вчера днем. Прочтя, он тут же кинулся к военному трибуну – просить немедленно отпуск, потому как жена...

– Конкубина, – поправил Требоний.

– В тягости, а теперь старый товарищ Кука пишет: больна.

У Приска прыгали губы. Будто не побывавший в боях центурион, а мальчишка-новобранец.

Ничего больше не говоря, Приск протянул послание Куки.

Трибун взял восковые таблички, раскрыл, пробежал глазами.

– «Успеть бы повидаться», – процитировал вслух и продолжать не стал. – Что ж, езжай. Если дело серьезное, можешь остаться подольше. Деньги-то есть, если что?..

«Если что» – имелось в виду на похороны.

Приск вышел во двор и тут же прислонился спиной к стене, стиснул зубы так, что заломило челюсти и скулы. Почти сразу же следом из претория выбежал Фламма и протянул центуриону императорский диплом, чтобы Приск мог менять лошадей на почтовых станциях. И к диплому – бронзовый кошелек, в котором весело позвякивали монеты. Вспомнив об этой сцене, Приск ощутил приступ стыда – как будто он вместе с Кукой обманул трибуна и выпросил неположенный отпуск. Потому как выходило, что болезни вроде как нет никакой, да и не было вообще.

Выбравшись из горячей ванны, Приск окунулся в ледяном фригидарии для бодрости, растерся полотенцем из грубого льна и обрядился в новенькую шерстяную тунику. Он терпеть не мог ходить в грязном и потому не пожалел четыре денария, купил по дороге в баню обновку.

* * *

Дома в триклинии на столе уже были расставлены закуски: колбасы, творог, свежий хлеб – только-только от пекаря. Кориолла поставила перед мужем кувшин неразбавленного вина. Для себя же принесла горячей воды с медом.

Приск отхлебнул вина и отправил в рот кусок колбасы.

– Хорошо, что ты приехал, – улыбнулась Кориолла. – Я уж не чаяла, что ты раньше рождения ребенка появишься.

– Да, не планировал. А что Кука? Почему не едет в Дробету? – спросил несколько раздраженно Приск.

– Поедет он, как же, – Кориолла хмыкнула. – Он уже месяца два как кухарку себе купил. Все никак насытиться не может.

– Да ну! Что ж не написал-то? – Приск подавил улыбку.

Кука давно уже болтал, что надоела ему одинокая жизнь, и, глядя на Приска с Кориоллой, всякий раз вздыхал, что в ближайшие дни непременно обзаведется кухарочкой. Да только дальше болтовни дело не шло – то ли денег не хватало на покупку девчонки, то ли не хотелось отягощать жизнь свою хозяйством. И вот – сподобился.

– Точно-точно. Девочку-дакийку. Понятное дело, его теперь из дома не вытащишь. А она девочка тихая да понятливая. Недаром Мышкой зовут. Мы с Кукой сговорились, она мне прислуживает.

– А, ну, значит, будет с кем дите нянчить.

– Гай, милый, а почему мне нельзя поближе к тебе, в Дробету переехать? – Голос Кориоллы сделался вкрадчив. Она уже не в первый раз начинала этот разговор. Но всякий раз Приск говорил ей «нет». Эск после победы над Децебалом сделался почти безопасен. А вот Дробета... Дробета была на северном берегу. К тому же крепость охраняла мост. Если даки начнут войну и нападут, то штурма Дробеты не миновать.

– Нельзя. – Приск губами попытался поймать колечко волос, что соблазнительно закрутились на шее Кориоллы. – До вечера не дотерплю... Может, прямо сейчас?

Кориолла с явной неохотой отстранилась.

– Письмо-то не просто так написано... – Она многозначительно умолкла и направилась к выходу. И уже на пороге бросила: – В таблиннии тебя ждут.

* * *

«Прямо заговор», – подумал Приск, неспешно входя в таблинний, все еще держа в руках кубок с вином и отхлебывая на ходу.

Чувствовал, что после бессонной ночи (он скакал и ночью, меняя лошадей, позволяя себе лишь четверть часа отдыха) его развезет, и стоило бы добавить в вино воды.

– Теперь мы можем поговорить? – раздался знакомый голос.

Приск повернулся. В углу так, чтобы не сразу можно было заметить в полумраке, сидел ничем не примечательный человек в серой тунике. Смуглый, полноватый, начинающей седесть. Длинные волосы он носил, чтобы спрятать проколотые в прежней, рабской своей ипостаси уши.

– Зенон? – Меньше всего ожидал Приск обнаружить в своем таблиннии вольноотпущенника Адриана, которому императорский племянник поручал дела самые тонкие, опасные, сомнительные и скользкие.

В общем, всё, что касалось самой высокой политики, поручалось Зенону. И значит, теперь Адриан хотел, чтобы в его опасных играх вновь принял участие Приск.

– Приветствую тебя, центурион! – Вольноотпущенник поднялся.

– Письмо – твоих рук дело?

Теперь, будто заново разделив написанный на пергаменте текст на слова, Приск разобрал – что же на самом деле обозначают эти идущие друг за другом непрерывной вереницей буквы. Зенон прибыл от Адриана. У Адриана тайное поручение. И ему непременно надо было, чтобы Приск явился сюда, в Эск, а Зенон ни в коем случае не появлялся в Дробете.

– Так что за дело? – Центурион нахмурился.

– Гней Помпей Лонгин, – отозвался Зенон. – Слышал о таком?

Приск кивнул.

– Наверняка, – продолжил Зенон. – Так вот, этот человек посвящен во все планы грядущей войны.

– Грядущей войны? О какой войне ты говоришь? Децебал еще не скоро оправится от поражения.

– Поход в Дакию начнется, скорее всего, следующим летом, – перебил Зенон.

Так скоро? Приск надеялся, что у него будет несколько мирных лет передышки. Траян добился своего, Децебал затаился. Пока эти двое обдумывают планы, солдаты и крестьяне могут перевести дух и просто жить, а не служить Беллоне и Гекате.

– Ты должен сделать все, чтобы оказаться в свите Лонгина, – закончил наставления Зенон.

– Ну, коли так нужно, чтобы я шпионил за Лонгином, то почему Адриан не написал мне письмо? – спросил центурион раздраженно, злясь сразу и на требование Адриана, и на известие, что грядет новый поход на север. Разумеется, во время войны можно очень быстро возвыситься. Но в сражениях центурионы гибнут первыми – это Приск знал тоже очень хорошо.

– Письмо может попасть в нежелательные руки. Учти, тебе все придется устроить естественно. Лонгин не должен догадаться, что тебя к нему подсылает Адриан.

– Да зачем все это? Неужели император будет скрывать от своего племянника планы крепостей, если начнется война?

Зенон покачал головой и заговорил с Приском как учитель с недалеким учеником:

– Адриан хочет, чтобы подле Лонгина постоянно находился его человек. Прежде всего Адриану необходимо быть в курсе грядущих событий, ибо на новой войне надлежит ему так отличиться, чтобы ни у кого не оставалось сомнений: у Траяна может быть только один наследник – и это Адриан.

Зенон раз за разом повторял имя Адриана, как будто оно служило заклинанием.

Приск поставил кубок на стол и задумался.

Бессмертные боги, ну почему опять! В битве при Тапае Приск был ранен так тяжело, что не чаял вернуться в строй: левая рука до сих пор ноет, чуть на улице начинает холодать. Потом, зимою, когда горстка ветеранов да новобранцев, а с ними Приск и его контуберний обороняли от бастарнов лагерь Пятого Македонского легиона, канабу подле лагеря сожгли дотла. То, что отстроили за два года, было жалким подобием прежнего поселка. А уж то, что сам лагерь отстояли, – можно было считать настоящим чудом. А в каких передрыгах потом во второе лето войны³⁴ пришлось побывать! Кому расскажи – не поверят. Приск сам себе не верил порой, когда вспоминал речные долины, больше похожие на ущелья, перевалы, узкие тропы и дакийские крепости, настоящие орлиные гнезда на вершинах холмов. Однако ж крепости были взяты, армия даков разбита, и, когда войска римлян подступили к столице Дакии Сармизегетузе, Децебал запросил мира, склонил гордую голову перед императором Траяном. Мир-то, конечно, сомнительный получился – кто спорит, и добычи немного, и примиривший на время дакийский царь явно хитрил, договоры выполнять не желал, в горах затаился. Да только варвары всегда так: обещают одно, делают другое. И длиться эти игры могут годами. Два года мира – это так мало, так бессовестно мало... Кориолла к декабрьским календам³⁵ должна родить. Да только не жена она центуриону, как справедливо заметил легат, а всего лишь любовница, конкубина, и женой пока стать не может. И если погибнет Приск, что станет с ней и ребенком? Об этом он думать не хотел. Не хотел, а придется.

Приск тряхнул головой и посмотрел на Зенона.

³⁴ Имеется в виду вторая кампания Первой Дакийской войны (102 год н. э.), описанная в предыдущей книге «Центурион Траяна».

³⁵ То есть к первому декабря.

– Я что-то не расслышал. Ты сказал...

– Ничего.

– Ты что-то сказал, – с нажимом повторил центурион.

Зенон кашлянул:

– Адриан вернет тебя в сословие всадников, Приск. Он дополнит твоё состояние до четырехсот тысяч сестерциев, необходимых для ценза. Если ты все сделаешь так, как нужно.

– Как нужно! – Приск покачал головой.

Обещание звучало заманчиво. Если ты всадник – то впереди служба военным трибуном, официальный брак и дальше – занятие должностей выгодных и почетных. Кто знает – быть может, даже легат в будущем. То есть командир легиона. У Приска перехватило дыхание от открывавшейся головокружительности перспективы.

– И что значит это загадочное: как нужно? Знай – убивать я никого не собираюсь и...

– Адриану нужна Сармизегетуза. Планы ее укреплений – а еще лучше, свой человек внутри, дабы в нужный момент открыть ворота.

Приск мысленно ахнул. Ну наконец-то понятно. Не больше и не меньше – столица Дакии. Не много ли от него хочет Адриан?

– Откуда ты знаешь, что Лонгин доберется до Сармизегетузы?

– Траян лично поручил легату сделать все что угодно, но побывать в столице Децебала. Так что Лонгин туда поедет. Сейчас, осенью или весной – но поедет. И ты – вместе с ним.

Надо же, обрадовал. Приск спешно сделал глоток, будто пытался залить внезапно образовавшуюся внутри мерзкую ледяную пустоту.

Зенон больше ничего не говорил. Ждал. Что делать? Сказать нет – и тянуть лямку до старости, жить в жалкой хибаре и смотреть, как твой незаконнорожденный сын уходит на войну простым легионером, а дочь становится женой какой-нибудь отпущенника или мелкого торговца? А самому до конца дней считать жалкие гроши и многочисленные раны на теле.

Или – рискнуть? Бросить кости? Что выпадет? Удача? Смерть? Играй, Судьба!

Знаю-знаю, одна грань на кубике всегда утяжелена свинцом – та грань, что в руках жулика приносит ему выигрыш, а в руках Судьбы означает смерть. Но ведь время последнего броска еще не настало. И если мы сыграем по-честному, у меня ведь есть шанс. А, Судьба?! Ты ведь не выбросишь мне собачье очко³⁶? Так ведь?..

– Хорошо, Адриан получит план укреплений Сармизегетузы, – проговорил Приск после затянувшейся паузы. – Но пусть не забудет не только вернуть меня в сословие всадников, но и отдать мне дом моего отца в Риме. Дом-моего-отца!

– Адриан все сделает, если сделаешь ты. – Зенон улыбнулся. Лживой улыбкой бывшего раба.

* * *

Вечер выдался удивительный – не жаркий, теплый, напоенный ароматом цветущих в перистиле роз. Прииск, прихватив с собой чашу разбавленного вина да тарелку с перченым печеньем, расположился в садике. Горел подвешенный на бронзовом крюке светильник, ветра не было, и слабый масляный огонек тянулся строго вверх, будто новобранец перед центурионом. Кука выбрался со своей половины и уселся на скамье напротив. Служанка-дакийка мелькнула в дверном проеме и скрылась – верно, приехавшего центуриона она боялась до смерти, и даже Кука не убедил ее выйти.

– Война? – спросил Кука кратко.

³⁶ Собачье очко – то есть на костях выпадут все единицы.

Приск молча кивнул.

– Ты здесь, в Эске, или в Дробету? – продолжал допытываться Кука.

– В Дробету вернусь.

– А что тебе Зенон обещал? Перевести в преторианцы?

– В преторианцы? Нет, – Приск затряс головой. – Сделаться преторианцем я не мечтаю, эта служба не для меня.

– А я бы не отказался. И то – почему бы мне не стать преторианцем? Я ведь уроженец Италии, значит, меня возьмут в гвардию. У нас тут есть один центурион в лагере: прежде, еще при Домициане, служил в Пятом Македонском, потом стал преторианцем, а потом вернулся в Эск – уже центурионом. Вот и я так могу. – Кука подмигнул. – Не тебе же одному с поперечным гребнем на башке выхаживать, будто надутому петуху.

Приск прекрасно понял, что означал этот монолог: Кука намекал, что поможет другу в предстоящих делах, но требовал за это соответствующую награду. Пока Зенон не уехал, об этом стоило переговорить с доверенным лицом Адриана.

Кука – преторианец? Почему бы и нет? Иметь своего человека подле императора всегда полезно. Тем более если человек сам мечтает о подобной службе. Живи себе в Риме, в постоянном лагере, носи караул на Палатине. Опять же жалованье приличное и срок службы короче.

– Хорошо, преторианец, а в Дробету поедешь вместе со мной? – рассмеялся Приск.

– Ну вот, я так и знал, что ты сделаешь какую-нибудь пакость. Скажу одно: как надел ты серебряную лорику, так тебя будто подменили. Старым товарищам никаких послаблений!

– Ладно, пошутил. Нужен ты мне больно в Дробете! Да, совсем забыл спросить... – сказал Приск небрежным тоном, подражая в интонациях Лонгину. – Что поделявает старина Валенс?

– Как что? Всё как обычно: тренирует новобранцев в своей пятьдесят девятой центурии, а в свободное время, которого у него подозрительно много, накачивается вином в ветеранской таверне.

– Здесь не появлялся?

– Здесь? – Кука изобразил недоумение. – Где – здесь?

– Тут.

– А... – Теперь Кука изобразил озарение. – Имеешь в виду у нас дома? Не приходил ли в гости к Кориолле? Не волочился ли за бывшей своей невестой? – Кука ухмылялся, видя, что Приск вертится как на углях, и отвечать не спешил. – Нет, представь, не приходил, хотя я его каждый раз приглашаю при встрече.

– Что-о-о?!

Приск ухватил приятеля за тунику на груди, закручивая ткань в узел так, что Куке вмиг стало не хватать воздуха.

– Так пошутил я... Пошутил. Не приглашал я, клянусь Геркулесом! – Приск нехотя отпустил трещащую под напором его пальцев ткань. – Да он и не спрашивает о милой твоей никогда. О тебе – да, задает вопросы. И о Тиресии, и обо всех наших. А про Кориоллу – ни гугу.

* * *

Приск вернулся в спальню. Конкубина делала вид, что спит, но Приск знал, что это притворство. Она лежала на боку, отвернувшись лицом к стене. Он лег подле. Руки скользнули под мышки, под тонкую льняную тунику.

– Что тут у нас? Какие спелые со-очные плоды... – Бормоча интимные банальности, он тем временем губами скользил по плечу – от шелковистой кожи пахло яблоками и еще какими-то травами, которые Кориолла добавляла в воду.

Центуриона ждала сладостная влажная долина, проникать в которую надо с осторожностью, никаких звериных наскоков – лишь искусная медлительность, дающая ничуть не меньше наслаждений, чем бешеный напор. Их близость была изящной, как прогулка по горной тропе, и тропа эта пролегла между прежней долгой разлукой и грядущей, сулящей опасности и расставание.

Глава IV Старые враги

*Сентябрь 857 года от основания Рима
Дробета*

Через три дня после приезда Лонгина, уже ближе к полудню, даки появились возле Дробеты. Они плелись по дороге, связанные веревками, а погоняли их несколько всадников – тоже даков. Впереди на вороном жеребце ехал молодой человек в длинном дакийском плаще с бахромой, под которым поблескивали начищенной чешуей бронзовых пластинок гетские доспехи.

Странная процессия остановилась в сотне футов от ворот, а едущий впереди приблизился. Был он без шлема, и длинные волосы падали на плечи звериной гривой, челка была подстрижена низко, скрывая глаза. Войлочной шапки не удостоен, значит, простой комат, чего не скажешь по доспехам и коню – скакун под командиром отряда был отменный. Но Децебал тем и славился, что приближал к себе людей не за происхождение, но лишь за заслуги. Так что неблагородная кровь варвара ровно ни о чем не говорила.

– Эй! Караульные! Я – Сабиней! – крикнул человек во всю силу легких. – Личный посол царя Децебала. Пришел отдать римской власти разбойников. Тех, кто дерзко нарушил мирный договор с Сенатом и народом Рима и напал на легата Лонгина.

Приск, стоявший в этот момент вместе с Тиресием на стене, в очередной раз плеснул себе в лицо водой из фляги, чтобы снять сонливость, – после обсуждения планов у Лонгина разговор плавно перетек в яростный спор в комнате Приска. Спорили о грядущей войне, о том, сколько сможет выставить Децебал, и будет ли эта война вообще.

– Узнаешь гостя? – спросил Тиресий.

– Конечно, узнаю. Наш старый враг Сабиней. Лазутчик. Мы взяли его в плен зимой, а потом он удрал.

– Это ты его отпустил, – напомнил Тиресий. – И он едва не прикончил нас в битве близ Дуростора³⁷.

– Угу. А потом нашего старого знакомого отпустил во второй раз Адриан.

– У Сабиней глаз орлиный. Как у всех горцев. И он хитер, как коршун.

– И силен, как лев. Прямо химера какая-то.

– А он мне нравится, – хмыкнул Тиресий. – А тебе?

– Для мальчишка-красавчика он староват.

Тиресий вздохнул:

– В бою нравится, а не в постели. В постели я предпочитаю девчонок.

– Старых шлюх, ты имеешь в виду, из нашего лупанария?

³⁷ Имеется в виду битва близ Адамкисси, в которой Траян нанес поражение варварам, устроившим зимний рейд в Нижнюю Мезию. На месте битвы теперь установлен Трофей Траяна.

– Девчонок! У меня есть одна тут под боком, в Дробете. И в лупанарий я давно не хожу. Тем временем военный трибун взбежал на стену.

– Это ловушка? – спросил Требоний у Приска. – Зачем этот парень отдает нам своих, которых немедленно распнут как разбойников?

Сам трибун на войну с даками не попал и надеялся службу свою в крепости закончить прежде, чем на лимесе начнется очередная заварушка, посему обычно не спорил и доверял опытным бойцам. А Приску, прошедшему обе кампании, доверял особо.

– Точно, пакость. Только пока не вижу, в чем подвох. Разве что пятеро пленников мгновенно превратятся в пятьсот и сбросят оковы.

– Пятьсот? – Военный трибун закрутил головой, похоже, обычную шутку он принял за реальную версию. – Твои люди в крепость не войдут! – крикнул он Сабинею.

Но варвар не обратил внимания на угрозу трибуна.

– У меня собственноручное послание от царя Децебала легату Лонгину. Легат Лонгин в Дробете? – Приску почудилась в вопросе Сабинея насмешка.

– Всё-то эти варвары знают, – буркнул трибун. – Уши у них, что ли, в камнях имеются? Вот прикажу всех местных из поселка выгнать... – Требоний замолк, сразу сообразив, что выгнать местных из поселка не получится: потому как большинство местных – это женщины, а без баб гарнизону никак не обойтись.

– Теперь-то я понял, – хмыкнул Приск. – Им так не терпелось передать Лонгину послание царя, что ребята напали на нас по дороге. Похоже, придется их не распинать, а награждать.

– Трибун, я войду как посол и передам тебе в руки нарушителей перемирия, – предложил Сабиней. – Но дай слово, что я выйду свободно назад.

– Соглашаться? – спросил Требоний. Центурион кивнул. – Даю слово, – пообещал трибун уныло.

Какой же здесь подвох? Приск напрасно всматривался в даль из-под руки. Вокруг никого. Даже пастухов с отарами, что пригоняют к лагерю на продажу скот, и тех не было видно.

Ворота отворились, Сабиней спешил и, держа коня под уздцы, пешком вместе с пленниками вошел в Дробету. За ними въехала немногочисленная охрана.

* * *

Пленников отправили в карцер, спутников Сабинея разместили в одной из комнат казармы, а самого посланца Децебала Лонгин принял в принципи. Из приближенных на встречу легат допустил лишь военного трибуна, Асклепия и Приска. Тиресий от встречи с Сабинеем уклонился, заявив, что лазутчику римскому не след встречаться с лазутчиком дакийским. Тогда вместо Тиресия кликнули Оклация: легат отводил центуриону и бенефициарию роль не только доверенных лиц, но и телохранителей. И хотя у Сабинея отобрали оружие (заставили снять даже чешуйчатый доспех, оставив дака в длинной льняной рубахе) и отобрали кривой кинжал, он все равно казался опасен.

– Великий царь Децебал не нарушает договор и не намерен его нарушать, – заявил Сабиней, передавая свиток с царской печатью. Он не только низко поклонился, но и попробовал поцеловать Лонгину руку, однако Приск встал у посланца Децебала на пути. Сабиней усмехнулся и отступил. – Здесь подробный ответ моего царя на все твои необоснованные претензии, легат. Твой посланец привез моему царю перечень нарушений, на первый взгляд весьма серьезных. Но все это ложные слухи, уверяю тебя.

Лонгин сломал печать и развернул свиток. Как сумел заметить Приск, письмо занимало несколько столбцов³⁸, разделенных вертикальными красными полосами.

– Царь не отрицает, что вы снова строите крепости в горах, – сказал Лонгин, прочитав шепотом несколько строк.

– Сам посуди, легат, если город построен на узкой террасе на склоне – как мы можем обойтись без стен? Люди попросту сорвутся вниз в темноте или даже днем по неосторожности. Если бы ты увидел эти стены, ты бы понял, что это никакие не укрепления, а всего лишь небольшой барьер – исключительно чтобы обезопасить наших людей от падения. Множество из этих горных террас расширены с помощью камней и земли – они мигом разрушатся, если мы уберем стены. Насколько могли, мы своими руками разбили оборонительные частоколы и смотровые башни. Ты можешь лично проехать по нашим землям совершенно свободно и осмотреть наши крепости. Тогда ты увидишь, что они по-прежнему лежат в руинах. – Произнеся эту явно заученную речь на довольно приличной латыни, Сабиней умолк, глядя в пол.

– Как я правильно понял, царь зовет меня посетить дакийские земли? – спросил Лонгин.

– Ты сам требовал от Децебала, чтобы он лично тебе показал столицу как доказательство того, что он не замышляет дурное. В письме великий царь зовет тебя в свою страну. Ты известен острым умом, легат, – неуклюже на греческий манер попытался подольститься Сабиней. – Ты – знаток крепостей, никогда не веришь пустым заявлениям и во всем желаешь убедиться лично. Так приди и проверь, что слова великого царя истинны: нашему царю нечего скрывать от римлян, ведь ныне Децебал друг и союзник римского народа.

Легат отдал свиток Асклепию, и тот стал зачитывать письмо Децебала. В принципе – это были все те же фразы, что только что произнес царский посланец.

Внезапно Сабиней повернулся к Приску:

– Вот мы и встретились, римлянин. Два берега великой реки нас все время сводят. – Говоря это, Сабиней вроде как улыбался. Но улыбка эта не сулила ничего хорошего.

– Почему бы нам не жить на этих берегах как добрым соседям? – спросил Приск.

– Римляне не бывают *добрыми* соседями. Разве ты встретил меня как друг на южном берегу? Ты и твои друзья пытали меня раскаленным железом, – напомнил Сабиней о неприятном моменте их знакомства.

– А разве в ту зиму ты пришел на наш берег как друг? – Приск невольно повысил голос, и Лонгин, внимательно слушавший текст, повернулся и глянул на центуриона гневно.

– *Наш* берег, – повторил Сабиней и, больше ничего не добавив, уставился в пол, как будто внимательно рассматривал черно-белую нехитрую мозаику.

Сразу видно было, что парень из всех сил сдерживается, чтобы не сказать лишнего.

– Децебал обещает мне и моей свите полную безопасность и зовет меня приехать в Сармизегетузу, – подытожил выслушанное Лонгин. – Однако осень – нелучшее время для путешествий в этих краях.

Сабиней улыбнулся, по-прежнему глядя в пол:

– До зимы еще далеко, легат. К тому же зимой в горах даки не менее быстры, чем летом. Какую крепость, кроме Сармизегетузы, ты хочешь еще увидеть, легат? Баниту или Костешти? Или, быть может, руины Апула? Мы срыли его стены до основания – как будто и не стояла никогда наша крепость на наших землях. Объяви свой выбор, и я проведу тебя наикратчайшей дорогой.

³⁸ Читая, свиток держали горизонтально, а не вертикально, как это принято представлять в кино, текст на нем был написан «страницами-столбцами».

– Я выбрал Баниту, – подумав несколько мгновений, сказал Лонгин. – Но не забудь – в итоге именно Сармизегетузу я желаю видеть.

– Хорошо. Тогда наш путь лежит вверх по реке Рабо. Если легат пожелает, после Баниты отправимся прямо в Сармизегетузу – успеем до морозов. Ты убедишься, что наши крепости по-прежнему мертвы, а стены столицы разрушены. Мои люди будут сопровождать тебя и твою свиту, легат, и не позволят даже волоску упасть с твоей драгоценной головы. Я даю тебе слово вслед за великим царем.

– Я отошлю письмо Децебала императору Траяну! – Лонгин тряхнул свитком, при этом багровея. – Так что любая ложь тут же станет известна в Риме.

– Разумеется, легат. Децебал и не надеялся, что ты попытаешься скрыть наши переговоры от императора.

Хотел этого Сабиней или нет, но фраза получилась двусмысленной.

– Траян ненавидит лжецов, – назидательно заметил Лонгин, покраснев еще больше.

– Их никто не любит, легат. Однако почти у всех на устах одна ложь, – не сразу ответил Сабиней.

«Он что, заучил эти дурацкие фразы?» – раздраженно подумал Приск.

Центуриону казалось, что дерзкий варвар над ними издевается, несмотря на то что низко кланяется и все время покорно смотрит в пол.

– Если ты намерен ехать, я приведу царских охранников для тебя к воротам Дробеты, – предложил Сабиней.

– Сколько человек?

– Ровно столько, сколько ты возьмешь с собой.

– Я возьму турму всадников. То есть тридцать человек охраны.

– Хорошо, я приведу столько же и вернусь с ними через семь дней.

– Не поздновато ли отправляться в горы? – вдруг резко спросил Приск. Сабинею он не верил: когда-то этот варвар ловко ускользнул от него, потом обманул доверие Адриана. Кто может поручиться, что сейчас он говорит правду?

– Насколько ты помнишь, центурион, битва при Тапае случилась в сентябре! – Сабиней усмехнулся. – После чего император Траян со своей армией до самого снега искал пути к Сармизегетузе. Ведь ты помнишь эту битву, центурион?

Приск не ответил. Но едва удержался, чтобы не потерять изуродованное фальксом в том сражении левое плечо.

– Отправляйся за охраной, Сабиней! – приказал Лонгин. – Жду тебя через семь дней. И помни – если ты лжешь, за твою ложь ответят все жители Дакии.

– Зачем же мне лгать, легат? Чтобы Траян вновь явился в наши земли, и его легионеры убивали всех подряд – женщин, стариков, детей? Наши воины погибли, наши крепости разрушены, нам ли противиться могучему Риму? – Сабиней низко поклонился на восточный манер, но руку легату больше поцеловать не пытался, повернулся, скользнул взглядом по центуриону (что именно было в этом взгляде – торжество или тщательно скрываемое бешенство – Приск понять не успел) и вышел.

* * *

– Нет, это неслыханно! – Требоний вскочил, едва дверь за варваром закрылась. – Какова наглость! О, бессмертные боги! Суровая Немезида должна была немедленно покарать этого наглеца.

– За что? – спросил Лонгин.

– Как за что? – опешил Требоний. – За его наглость! Неужели ты, легат, которому вверены все военные силы Рима, согласишься его слову и поедешь к Децебалу?!

От волнения голос сорвался, и трибун издал какой-то тонкий противный взвизг. Он перепугался так, как будто это его, а не Лонгина звал в свою горную столицу дакийский царь.

– Конечно, поеду! – Легат даже издал какой-то снисходительный несерьезный смешок, как будто происходящее его забавляло. – С какой стати мне отказываться от поездки? Кто из вас мне расскажет, как в случае новой войны взять Сармизегетузу? Я лично не уверен, что кто-то из римлян сумеет найти дорогу к ее воротам. Даже Приск не сумеет, не так ли? – Легат повернулся к нему. – Отвечай, центурион, проведешь нас напрямик к воротам дакийской столицы?

– Долину Стрея я не слишком хорошо знаю, но за несколько дней...

– Ты станешь водить кругами, – оборвал его Лонгин. – И варвары разорвут нас на части, как волки законную добычу. А теперь мы не только увидим дорогу, но и укрепления столицы. По договору Децебал обещал разместить в столице римский гарнизон, но дальше обещаний дело не пошло – в итоге наши солдаты стоят в лагере на Бистре и в шутку называют свой лагерь второй Сармизегетюзой. Если нам когда-нибудь суждено штурмовать орлиное гнездо Децебала, я должен увидеть его собственными глазами.

– О, боги... Легат, неужели ты доверяешь Децебалу? – У Требония задрожал голос.

На взгляд Приска, военный трибун явно перешел границу между осмотрительностью и примитивной трусостью.

– Я его хорошо знаю, – заявил Лонгин, – мы несколько раз встречались с ним, когда я был наместником Верхней Мезии при Домициане. И я вел с ним переговоры, когда стал наместником Паннонии. Он уважает меня как воина, и я его тоже уважаю, запомни это, Требоний!

– А вдруг Децебал тебя не отпустит? – спросил военный трибун.

Лонгин рассмеялся.

– Я слишком большая птица, чтобы меня захватить, но не столь могучая, чтобы пытаться меня уничтожить. К тому же у Децебала сейчас одна задача: оттянуть начало войны, к которой он катастрофически не готов. Мне донесли, что языги, которых он звал в свой союз, взяли от Децебала немало золота в подарок, а потом с позором выгнали дакийских послов. И хотя Децебал жестоко отомстил этому дерзкому племени, его набег на языгов – свидетельство слабости, а не силы. Он больше не правитель огромного царства, а обычный племенной царек, сохранивший за собой несколько гор и долин и вынужденный склонить голову перед Римом.

– Сабиней увезет тебя в горы с охраной, а в это время его разбойники разрушат мост, – мрачно предрек Приск.

Что-то подсказывало ему: в предложении таится ловушка.

– Разрушат мост? – Лонгин уже откровенно рассмеялся. – Надеюсь, ты не решил поиграть в прорицателя, как твой приятель Тиресий?

– Арки деревянные, – напомнил Приск. – Мост не так трудно сжечь.

Лонгин мгновенно посерьезнел.

– Хорошо, центурион. Возьми столько людей, сколько сочтешь нужным, и облазай всё в округе, каждый холмик, каждую яму, осмотри каждое дерево. Сообщи, сколько варваров обнаружишь поблизости от Дробеты. Трибун, Сабиней разместить удобно, но под охраной, кормить вволю, ни в чем не стеснять, но по крепости не давать шастать и за ворота не пускать до возвращения Приска. Скажешь, мы немного отсрочим выступление. Нельзя идти у варваров на поводу.

* * *

Центурион взял с собой Фламму, Оклация, Тиресия и с ними еще отряд конной разведки. Вернулись разведчики лишь спустя три ночи – на рассвете. Все четверо – усталые, грязные, понурые. Легионеры отправились мыться и отсыпаться, а Приск напрямик прошел в покои Лонгина. Тот завтракал, скромно, как и положено солдату, – творог, печеные яйца, хлеб и поска (на взгляд центуриона – эта смесь из винного уксуса воды и яиц – ужасная дрянь).

– Ну, большую армию обнаружил, центурион? Сколько даков засело поблизости? – спросил легат с нескрываемой ехидцей.

– Ни одного, легат. – Центуриону стоило большого труда произнести это спокойным, ровным голосом.

– Ты не находишь это странным?

– Нахожу.

– У тебя есть объяснение?

– Ну... возможно, они хотят напасть в другом месте.

– По твоей версии, они хотели напасть на мост. Или Аполлодор из Дамаска построил еще один мост в другом месте?

Приск молчал, глядя перед собой. Он многое мог вынести – боль, и лишения, и непосильный труд, в сражениях не терял головы и не праздновал труса, но от несправедливых насмешек приходил в ярость и сейчас больше всего боялся вспылить и навсегда испортить карьеру.

– А может быть, объяснение самое простое: даки не готовы воевать, – продолжал Лонгин. – Как ты думаешь, велика армия Децебала?

– Понятия не имею.

– А я имею. У него сейчас не больше десяти тысяч. Если ты умеешь считать, то сосчитай, сколько наших воинов придется на одного косматого дака без доспехов, если только в Мезии, Нижней и Верхней, стоят четыре полных легиона, не считая когорт ауксилариев?

Приск хотел ответить, но лишь плотнее стиснул зубы. Кажется, в этот миг он пожалел о своем решении попасть в свиту Лонгина. Но менять решение было уже поздно.

– Децебал сейчас сделает все что угодно, лишь бы отсрочить войну. Ну, что ты скажешь?

– Может быть, и так, – не слишком охотно согласился Приск. – Но я не верю Сабинею.

– Это всего лишь старые счеты, не так ли? – усмехнулся Лонгин.

Глава V В горы!

*Сентябрь – октябрь 857 года от основания Рима
Дробета – долина реки Рабо³⁹*

Вечером, перед отъездом, Приска охватила смертельная тоска. Никогда с центурионом прежде такого не бывало. Еще день назад он весь горел от нетерпения, ожидая, когда же они наконец отправятся в путь. Опасное путешествие сулило небывалую награду. Приск мысленно усмехался и свысока поглядывал на будущих спутников: только он и никто другой

³⁹ Река Рабо — река Жиу.

сможет выполнить поручение Адриана – запомнить и потом нарисовать по памяти укрепления дакийской столицы. И вдруг накатила тоска, да столь сильная, что казалась физической болью. Даже в те дни, когда он еще не был центурионом, а пребывал в статусе желторотого новобранца, и Валенс, опытный и старый воин, водил тиронов на северный берег, Приск не испытывал ничего подобного. Даже в первую кампанию, когда неведомые горы таили смертельную опасность, а из-за каждого придорожного куста летели крючковатые дакийские стрелы, смазанные ядом, не было у Приска так тяжело на сердце. Но ведь и тогда, как и сейчас, он сам выбрал эту дорогу, а раз выбрал – значит, должен пройти до конца. Почему же тупая заноза застряла в сердце? Кориолла? Рождение ребенка? И это тоже. Но нет, что-то другое сейчас его угнетало.

– Ты хоть Кориолле написал, что уезжаешь? – поинтересовался Тиресий.

Приск устроил у себя небольшой обед на прощание: Тиресий, Фламма и Оклаций присутствовали.

– Нет. Незачем ей знать. Пусть думает, что я в Дробете. Будешь отправлять ей письма от моего имени.

– Э, так не пойдет.

– Очень даже пойдет. Ей нельзя волноваться.

– А печать мне свою не оставишь? – наивно округлил глаза Тиресий.

– Как же! Чтобы ты завешание подделал! – рассмеялся Приск. – Разумеется, я тебе доверяю. Но не настолько же!

Тиресий вдруг помрачнел.

– Сегодня во сне... – Когда Тиресий начинал такими словами фразу, смеяться уже никому не хотелось. – Сегодня во сне, – повторил Тиресий, – я видел алмазный перстень.

– Алмазный перстень? – живо переспросил Оклаций. – Нас ждет добыча? Ого! Алмазы – они же безумно дорогие. Неужели у Децебала припрятаны в сундуке эти волшебные камушки?

– Чей перстень? – повторил Приск.

– Не знаю. И что это значит – тоже не ведаю. Но это важно.

– А по мне, так все ясно, перстень означает награду, – попытался истолковать сон прорицателя Оклаций. – Большую-пребольшую.

– Возможно, это в самом деле награда, – попытался отшутиться Приск. – Но уж точно не твоя, Оклаций, учитывая как дороги и редки алмазы.

– Это блеск твоего возвышения, – брякнул Фламма.

– Ты стал льстецом? – спросил Тиресий, глядя в глаза писцу.

Тот смутился.

– Ну, это вроде как правда, я так думаю...

* * *

К дакам в гости легат отправлялся с небольшой свитой: вольноотпущенник Лонгина Асклепий (этот парень, похоже, не только знал, что хозяин ест и во что одевается, но и что думает), турма всадников-ауксилариев и с ними Приск. С собой центурион никого не брал – Обжору оставил в лагере, поскольку в горах этот парень станет только обузой, Оклация тоже не стал требовать зачислить в отряд: предприятие было опасным, и рисковать головой мальчишки Приск не хотел.

Сабиней, как и обещал, привел тридцать всадников сопровождать легата. Его даки принадлежали то ли к одному клану, то ли к какому-то военному братству – у каждого из тридцати был вышит на плаще свернувшийся кольцами змей, и такой же змей, уже бронзо-

вый, украшал каждый щит. Перед тем как отправиться в путь, Сабиней поклялся Замолксий-Гебелейзисом, что не причинит Лонгину и его спутникам вреда.

«Неужели даки надеются убедить такого человека, как Лонгин, что они не замышляют ничего против римлян и не нарушают мирный договор?» – подивился Приск.

С другой стороны, их заверения ровным счетом ничего не значат. Если Траян захочет, через год или два Рим найдет повод начать войну: хотя бы недавнее нападение на языгов, союзников римского народа, объявит причиной. Главное сейчас – увидеть Сармизегетузу.

Уже сев на Резвого, Приск на миг задержался и подъехал к стоящему возле конюшни Тиресию, протянул ключ.

– От моего сундука в лагере, что в кладовой. Деньги и вещи – для Кориоллы. – Потом, чуть помешкав, снял с руки перстень с печатью. – На случай...

– Да брось! Ты вернешься. Я видел тебя в своих видениях с ребенком на руках.

Приск улыбнулся, но все же почти насильно всунул бронзовый ключ и перстень в ладонь товарищу. Тиресий пошел рядом, провожая. Уже в воротах Приск оглянулся и посмотрел на Тиресия. Тот как всегда был мрачен, вернее – мрачнее обычного. Старый приятель поднял руку, прощаясь.

Не стал уточнять прорицатель, что в провидческом сне видел Приска с ребенком на руках. Только ребенок этот был мертв, и над головой центуриона столбом поднимался дым, а гудящее пламя почти полностью охватило дом за его спиной.

* * *

Мысли, что одолевали Приска в дороге, были весьма противоречивыми. Поручение Адриана не вызывало восторга – и это еще мягко сказано. С другой стороны, при мысли о путешествии в самое сердце Дакии Приска охватывал азарт игрока, который готов метнуть кости, поставив состояние на кон. Зима приближалась, дожди шли часто, по утрам плотный белый туман окутывал долину, весь мир исчезал, и только холмы вдалеке вставали утесами в призрачном море. Для Приска дорога была знакома – в первую кампанию они с Кукой частенько блуждали в этих местах, выискивая дакийские тропы, ведущие к перевалам. Сейчас ничего искать уже было не надобно: в долине реки Рабо проложена римская дорога к перевалу, пусть пока и немощенная, но широкая и ровная. И хотя между дневными переходами не было еще гостиниц и почтовых станций, зато имелись либо бурги, либо крепости-кастеллы с римскими гарнизонами. Даков из этих мест почти всех выселили. Несколько раз попадались по дороге пустые селения – обычно на горюшке, с порушенным частоколом, стояли почерневшие от огня мертвые дома без крыш. А если даки где и остались, то таились по горным поселкам и вели себя тихо, к дороге носа не казали. На второй день пути тоска внезапно оставила Приска, как приставучая, но легкомысленная девка, сделалось легко на душе – будто не с опасным посольством он отправлялся, а ехал к старому дорожному другу в гости. Три с небольшим года назад⁴⁰ он проходил здесь с Пятым Македонским, вон там, помнится, строили мост через быстрый поток, а вон там стояли лагерем. А вот этот бург ставили в первом походе. Не порушили его даки, не сумели.

Передвигались быстро – стены Бумбешти⁴¹, лагеря, построенного на левом берегу реки Рабо, показались на восьмой день пути. Если бы в первое военное лето римляне передвигались так же резво!

⁴⁰ В первую кампанию Первой Дакийской войны в 101 году н. э.

⁴¹ *Бумбешти* – название современное, древнее не сохранилось. Лагерь располагался на плато высотой 430 метров над уровнем моря. Сейчас часть стен лагеря (разумеется, сохранились только основания) смыта рекой.

Лагерь был не так уж и мал, но не каменный, а земляной и располагался он у самой реки. К своему изумлению, Приск встретил здесь старого знакомого – военного трибуна Анния из Первого Италийского легиона⁴². Теперь однорукий трибун командовал затерянным в горах гарнизоном. Он давно мог испросить себе отставку или место где поспокойнее, но, похоже, и его мучила эта горная страна, как надменная, не дающаяся в руки женщина. И потому он продолжал службу, умудрившись залезть чуть ли не к облакам – сюда, на перевал. Здесь же в лагере Приск встретил немало знакомцев кроме Анния – в Бумбешти находилась вексилляция Пятого Македонского – под командой своего центуриона. Казалось иногда, куда бы ни направил Приск свои стопы в этих местах, всюду встречал его неукротимый бык Пятого Македонского. Хотя, уж если быть честным, большую часть гарнизона в Бумбешти составляли ауксиларии из когорты бритонов.

– Кто выбрал это место для лагеря? – внезапно воскликнул Лонгин, оглядывая западную стену укреплений. Резко повернулся к Приску. – Что скажешь, центурион?

– Нельзя было ставить лагерь так близко к берегу горной реки. Ворота выходят прямо на мост, это удобно, конечно, но опасно – на случай паводка. Когда-нибудь половину лагеря попросту смоем...

Приску вообще не нравилась планировка Бумбешти: принципию, к примеру, построили не в центре лагеря, а у самых Преторских ворот, чуть ли не вплотную к башням, на фундамент которых пошел камень с реки, скрепленный известью.

– Не бойся, до весны мы здесь не задержимся! – хмыкнул Лонгин. – Зато Анний встречает нас по-царски.

Тут Лонгин не ошибся: в принципии для легата и его спутников устроили настоящий пир. Вино, оленина, колбасы, каша по местному рецепту, соленая рыба нежнейшая – за такую в Риме отвалили бы целое состояние. Вместо соленых оливок подавали соленые бобы. Оливковое масло было привозное – какая же римская трапеза без италийского масла! Напитки разливали в темно-синие стеклянные чаши, которые трибун умудрился притащить с собой по опасным горным дорогам. Вино тоже было италийским – кто бы мог подумать – темный фалерн. Особый вкус ему придавала вода из горного ручья – сама по себе наисладчайшая. Сабиней, единственный из даков, приглашенный за стол, вина не пил – только воду.

– За надежный ключ к горному перевалу, – провозгласил тост легат Лонгин, Анний в ответ поднял вверх обрубок руки, так что его жест сделался одновременно и страшным, и нелепым.

– Я бы на вашем месте не ездил за перевал, – сказал Анний, когда гости осушили уже по третьему кубку. – Зима на носу, вот-вот выпадет снег. Что вы будете делать? Как вернетесь? В прошлом ноябре четверо почтарей замерзли на перевале, когда угодили в метель.

– В крайнем случае мы останемся зимовать в римском лагере на Бистре. Но я надеюсь вернуться до того, как снега запечатывают перевал, – сказал Лонгин.

Военный трибун отрицательно покачал головой:

– Не успеете. Местные говорят: в этом году зима придет рано. И еще говорят: Децебал серым волком рыщет по дорогам.

– Мы едем в Сармизегетузу, – напомнил Сабиней. – И снег нам не помеха. Да, может завьюжить в любой момент, но, если случится непогода, мы переждем снежную бурю в крепости. Великий царь рад видеть тебя своим гостем, Лонгин.

⁴² Первый Италийский легион – второй легион, размещенный в Нижней Мезии, постоянный лагерь легиона был в Новах.

* * *

Миновали три дня, после того как отряд Лонгина ушел на перевал, и вот после полудня к воротам лагеря Бумбешти приковылял человек, больше похожий на дака, нежели на римлянина, – борода, толстый плащ с бахромой, длинные шерстяные штаны. Человек опирался на корявый посох и сильно хромал. Правда, изрядно не дойдя до ворот, плащ путник скинул, демонстрируя легионерскую лорику, солдатский пояс и рукоять гладиуса.

– Я – бенефициарий Кукус! – крикнул путник простуженным срывающимся голосом. – Легат Лонгин еще в лагере?

– Так я тебе и сказал! – отвечал караульный с башни ворот.

– Дурак! – взъярился пришедший. – Я мозоль натер на заднице, покалечил ногу, пытаюсь догнать легата, а ты тут стоишь на башне и пыжишься, будто дельфийский оракул! Легата хотят убить. Их всех хотят убить! – Кука сжал кулаки. – Кто здесь командует?

– Военный трибун Анний.

– Однорукий? – рявкнул Кука. – А ну приведи его, живо! Олух! Что стоишь! Беги! Скажи однорукому трибуну – Кука шлет привет из Эска.

Караульный если и колебался, то всего несколько мгновений, лишь до того мига, как сообразил: если Кука по имени определил, что трибун однорукий, – значит, лично знаком. Караульный опрометью сбежал с башни и вскоре вернулся с приказом открыть ворота.

Бенефициария провели в принципию. Здесь стояли две большие жаровни с красными углями, сообщая комнате приятное тепло.

– Погляжу я, частенько сталкивает нас Судьба на здешних дорогах! – хмыкнул Кука при виде однорукого трибуна.

– Кука! Так и знал, что явишься следом, – приветствовал бенефициария Анний сомнительной шуткой.

– Я смотрю, в здешних местах все заделались в пророки! Куда ни приди, все уже всё знают наперед, только по-прежнему делают глупости. – Куку шатало от усталости, и он опустился на скамью, вытянув перевязанную разорванной туникой ногу. Сквозь грязную ткань проступала черными пятнами засохшая кровь.

– Кто же еще может принести плохие вести – только ты, воспитанник злобной кукушки, – отозвался военный трибун.

– Кукушки не воспитывают детей... Пора бы знать, – лениво отбрехался Кука.

Они не были друзьями, но и не враждовали. Просто каждая их встреча соединялась с какой-нибудь бедой. В первый раз Кука отыскал клад в горах, Анний же, пытаясь этот клад перевезти в римский лагерь, потерял немало солдат и лишился руки. Во второй раз встретились они, когда Куку и его товарищей центурион Нонний хотел распять как предателей. Тогда Анний легионеров спас, но от той драки не на жизнь, а на смерть остались на шкуре Куки две отметины. Теперь же (нетрудно было предположить) Кука явился в лагерь в одиночку, падая от усталости, не потому, что торопился сообщить о награде или принять участие в пирушке.

– Где Лонгин? – повторил Кука.

– Легат и его люди уехали три дня назад. Теперь их не догонишь. – Военный трибун кивнул на изувеченную ногу Куки. – Я велю своему медику тебя осмотреть.

Личный раб военного трибуна принес Куке вина с горячей водой и миску с похлебкой и вышел. Бенефициарий зачерпнул бобов с салом, проглотил пару ложек. Третью до рта не донес – только измазал бороду. Сказал, умоляюще глядя на трибуна:

– Пошли кого-нибудь за ними. Это ловушка. Подлая-преподлая ловушка. Здешние волчары хотят сцапать Лонгина. Я бы и сам пошел, но, как видишь – сейчас из меня гонец никудышный.

Военный трибун молча смотрел на Куку несколько мгновений, потом отрицательно покачал головой:

– Нет, не пошлю.

– Что?! – Кука аж подпрыгнул и тут же взвыл от боли – так отдалось резкое движение в искалеченной ноге.

– Не пошлю, – повторил Анний. – Во-первых, мой человек не догонит Лонгина. Во-вторых, даков в отряде легата столько же, сколько и римлян. Если Лонгина хотели захватить в плен, то уже захватили или в ближайшее время захватят. Не нам соревноваться с варварами на горных тропах осенью и зимой.

– Значит, так?

– Именно. Я не буду губить своих людей ради дела, от которого не будет пользы.

– Прежде ты был не так осторожен, – заметил Кука.

– Я научился благоразумию. – Военный трибун сел рядом с бенефициарием, погладил культию. – За урок пришлось дорого заплатить. Мой приказ: подлечи ногу, возвращаясь в Эск, пока зима окончательно не засыпала дороги снегом.

Кука не ответил – вдруг выхватил кинжал, и в следующий миг клинок оказался у горла трибуна.

– Ты пошлешь за ними самых лучших гонцов на самых резвых скакунах. Каждому дай сменную лошадь. Немедленно! Сейчас!

– Я просто погублю людей. – Анний поморщился, но не сделал попытки освободиться.

– Погубишь. Потому что заранее смирился с поражением. А я – нет. У них есть шанс догнать Лонгина. Если будут стараться.

* * *

Есть события, противиться которым невозможно. Ты из силков, а Судьба опять толкнет тебя на покинутый путь. Ты – в кусты, а молния кусты подпалит. Видать, был жребий Приску и Лонгину ехать в Сармизегетузу, иначе бы Судьба как-нибудь иначе распорядилась доставленным из Дакии письмом. А так привез его Кука в Дробету на пятый день после отъезда Лонгина и его свиты.

Кука зашел в комнату Приска (здесь теперь разместились трое – Тиресий, Оклаций и Фламма), положил таблички перед предсказателем.

– Читай, – только и бросил старый товарищ, а сам тут же налил себе из кувшина неразбавленного вина (оказалось местное, из долины Алуты, весьма недурное, просто сочинителями еще не прославленное).

– Что это? – Тиресий глянул исподлобья на старого товарища.

– Читай! – заорал Кука.

Тиресий открыл таблички (печать была уже сломана, Кука письмо читал).

– «Старый друг центуриону Валенсу, привет!

Мое послание доставит торговец-грек, что привозил в Пятре Рошие оливковое масло. Ему и раньше доводилось передавать мои письма. Однако в этот раз письмо наиважнейшее. Отошли его как можно быстрее легату Лонгину. Двенадцать дней назад приезжал к Турну, что распоряжается в крепости, его племянник Сабиней. Приезжал ненадолго, на один день. Сказал, что есть у него поручение от самого Децебала, и от того, исполнит Сабиней поручение или нет, будет зависеть судьба всего царства...»

Тиресий оторвался от чтения и поднял глаза на Куку.

– Ну чего же ты... Дальше читай! – фыркнул бенефициарий и вновь наполнил кубок до краев. – Это письмо центурион Валенс получил, прочел и мне отдал.

– «... Не стану рассказывать, как мне удалось выведать, что за поручение царя должен исполнить Сабиней. Скажу одно – это было непросто. Так вот: Сабиней отправляется в Дробету, дабы заманить легата в Дакию на встречу с Децебалом и захватить в плен. Предупреди его. Скажи: сведения верные.

Будь здоров!»

– Старый друг? – переспросил Фламма.

– Это Скирон, – пояснил Кука.

– А я-то думал, он ушел на север вместе с дезертирами, – заметил Тиресий.

– Ушел, но теперь, как видишь, вернулся. Писем от него после победы не было ни одного – и вдруг такое...

Кука снова потянулся к кувшину, но Тиресий кувшин отодвинул и спросил:

– Валенс показал письмо легату легиона?

– Легат Мурена отбыл к наместнику в Томи. Так что я решил не терять времени и помчался сюда. Лонгин отбыл?..

– Четыре дня как, пятый пошел, – сказал Тиресий.

– Вот дурак! Как же он поверил Децебалу! Как девица! Ой, лапочка, я на тебе женюсь, только раздвинь ножки! – Кука сплюнул. – А вы-то куда все смотрели?!

– Думаю, легат знал, что его захватят в плен, сам нарочно полез в волчье логово, – проговорил задумчиво Тиресий.

– Но с ним наш старина Гай!

– И что?

– Надо вернуть Лонгина и Приска с дороги! – воскликнул Кука.

– Не догоним, – покачал головой Тиресий. – Они уже далеко. И я Приска предупреждал, что дело опасное.

– Их убьют! – взвыл Кука.

– Нет.

– Откуда ты знаешь? Хотя чего это я, – Кука махнул рукой. – Опять видение...

– Тиресий в пророческом сне видел огро-о-омный алмазный перстень, – похвастался вместо друга Оклаций.

– И что, они вернутся целыми и невредимыми, хочешь сказать? – мигом обнадежился Кука: Тиресию он всегда верил.

– Не вернутся. Их возьмут в плен. – Тиресий упер кулаки в стол, опустил голову.

Кука на миг онемел.

– Что?.. И ты это знал? Знал?! – Кука бросился на предсказателя.

Но Оклаций и Фламма ухватили его за руки.

– Только сегодня утром я это увидел, – признался Тиресий, не поднимая головы. – Когда меня посетили видения. Сегодня, клянусь Немезидой. Да и то смутно, будто в тумане. Я так и не понял, что происходит. А когда прочел письмо, сообразил, что к чему.

– Надо что-то делать... – Кука завертелся на месте, пытаясь освободиться. Но не вышло. – Сколько дней прошло? Ах да, четыре. Не так уж и много. Они же не скачут галопом, едут неспешно. Я догоню их и предупрежу. Я успею!

– Поздно! – покачал головой Тиресий.

– Я догоню! – упрямо заявил Кука. – Приска не брошу. Ни за что. Я и тебя, Тиресий, не брошу, хотя ты и скотина еще та... Алмазный перстень напроорочил! Нет чтобы углядеть, как нашего товарища даки веревками вяжут!

– Видений по заказу не бывает. Я тебе не Пифия, чтобы водрузиться задницей на треножник да отвечать туманными фразами на дурацкие вопросы.

– Ладно, отпустите меня! – потребовал Кука, несколько присмирив. Но и после того, как Оклаций и Фламма разжали руки, до конца успокоиться так и не смог. Вскakiвал, снова садился. Попытался дотянуться до кувшина – Тиресий не дал. – Но ты углядел алмазный перстень! Потому что ты думал о награде и добыче. А не о нашем товарище! Алмазный перстень, ну надо же! – Кука схватил таблички и кинулся к двери.

– Ты куда? – спросил Тиресий.

– К Требонию! Пусть пошлет нас в погоню за Лонгином!

Друзья не стали его останавливать.

– Тиресий наверняка и алмазов-то не видел в жизни! – бормотал Кука, шагая к принципии. – Вот же лысая задница! Откуда ему знать, что перстень алмазный? Встречали мы таких пустобрехов! Мало их, что ли, на курорте в Байях? – припомнил свое давнее уже прошлое бывший банщик. – Напялят тряпок желтых да зеленых, все руки в перстнях, и огромный хрусталь торчит на среднем пальце. Вот, тычет в нос каждому, глянь, какой у меня алмаз. Алмаз, как же! Так пусть теперь наш оракул скачет в погоню вместе со мной. И Фламму возьму, и Оклация. Все отправимся. Как в старые добрые времена. На любую гору залезем, хоть в эту самую таинственную Сармизегетузу проберемся, чтоб псы Гекаты ее сожрали, но Приска спасем.

* * *

Однако, как ни спешил Кука, оторвавшись от остальных и вышагивая по дороге всю ночь уже без коня (несчастливая животина захромала, и ее пришлось оставить в кастелле), так Лонгина и не догнал. Только ногу ободрал, споткнувшись о камень, неведомо почему лежащий посреди дороги.

К вечеру прибыли в лагерь Бумбешти остальные: Тиресий верхом на мелкой, но выносливой лошадке, Оклаций, Фламма, Молчун. Молчуна они прихватили с собой в последний момент – потому как прежде Молчун находился при наместнике в Томах, но вдруг объявился в Дробете – не угодил, значит, в чем-то наместнику. Требоний считал за лучшее отправить Молчуна вместе с остальными: о Приске и его друзьях ходили слухи весьма сомнительные. А то, что Молчун служил в Томах палачом⁴³ (о чем военному трибуну было известно), заставляло Требония опасаться этих парней еще больше.

Не было из старой их компании только Малыша – тот застрял возле машин в лагере Пятого Македонского под началом префекта фабрума.

Кука, все еще заметно хромавший, встретил друзей у ворот лагеря.

– Не догнал, – без тени вопроса в голосе сказал Тиресий.

Кука кивнул.

– Что теперь? – спросил бывший банщик, глядя на Тиресия вопросительно. – Пойдем по следу?

– У нас приказ трибуна: если не догоним Лонгина до Бумбешти, следовать в лагерь на Бистре, передать письмо тамошнему командиру. Значит, на Бистру и отправимся. – Приказ этот давал возможность попытаться догнать Приска уже на той стороне перевала.

Вечером они сидели в принципии, в схоле⁴⁴ ветеранов, пили вино с горячей водой и обсуждали предстоящий поход. За окнами завывал ветер не хуже стаи волков, и Кука невольно ежился, представляя, каково это – сидеть в таком лагере зимой.

Впрочем, идти сейчас через перевал было тоже делом нелегким.

⁴³ В таком поручении для легионера не было ничего унижительного.

⁴⁴ Схола – отдельное помещение для отдыха младшего командного состава в принципии.

– Хочу вот что сказать, – произнес трибун Анний, подсаживаясь к друзьям. – Даже если вы доберетесь до лагеря на Бистре, вам придется остаться там до весны. В горах снег лежит по три месяца, а то и дольше. Не советую вам тащиться зимой ни обратно в мой лагерь, ни через Тапае к Тибуску. Если, конечно, вам жизнь дорога.

– А Лонгин? Приск? – огрызнулся Кука.

– Если даки собирались захватить их в плен, уже наверняка захватили. И спрячут так, что вы никогда не найдете следов. Ваша задача теперь – предупредить гарнизон на Бистре – не исключено, им тоже угрожает опасность.

– Удивительная вещь, Анний, – проговорил задумчиво Кука. – Ты, оказывается, прав: с тех пор как лишился руки, здорово поумнел.

Глава VI

Разрушенное гнездо

Октябрь – ноябрь 857 года от основания Рима

Перевал Вылкан – Банита

Приск следил за Сабинеем, за каждым его шагом, прислушивался к каждому слову. Нет, ничего подозрительного – полное спокойствие и даже какая-то снисходительная небрежность чувствовались в этом опасном варваре. Сабиней всем видом показывал, что даки больше не представляют для римлян угрозы. Даже когда на перевале их встретили два десятка коматов и присоединились к отряду, Сабиней сделал вид, что это всего лишь жест гостеприимства: даки привезли соленое мясо, ячмень, овес, новые попоны и одеяла из плотной овечьей шерсти – такие теплые, что спать под ними можно было в самые сильные морозы. Еще привели свежих лошадей. Командовал вновь прибывшим отрядом уже немолодой комат с клочковатой бородой и недобрый взглядом из-под кустистых бровей. Длинное одеяние из овчины делало его фигуру по-медвежьей огромной. Сделав вид, что римлян он не видит в упор – даже блестящие доспехи Лонгина не произвели на него впечатления, – комат протопал напрямик к Сабинее и торопливо и невнятно заговорил с царским посланцем. Как ни старался прислушиваться к их разговору Приск, в чужой речи разбирал лишь отдельные слова: долина, река, горы, крепость, стены, северный склон... Речь явно шла об укреплениях.

– Это гости царя, – ответил Сабиней громко, – я дал слово их проводить, куда они захотят. Захотят увидеть Баниту – поедут в Баниту.

Комат повернулся, смерил взглядом сначала Лонгина, потом Приска. Неведомо, как почувствовал себя Лонгин, встретив этот «дружелюбный» взгляд, а Приску показалось, что дак прикидывает, какого размера погребальный костер понадобится для римлян, – столько ненависти было в его прозрачных глазах.

– Да, мы хотим увидеть Баниту! – сказал Лонгин с вызовом.

– Значит, мы едем сначала в Баниту, – опять же громко, для своих и римлян, объявил Сабиней. – Великий царь повелел беречь гостей, если надо – на руках нести, но доставить к нему целыми и невредимыми.

Старый комат демонстративно сплюнул, погрозил кому-то невидимому кулаком и ушел. А его отряд остался, присоединившись к людям Сабинея. Даков сделалось теперь почти в два раза больше римлян.

– Путь опасный, – пояснил Сабиней.

И все же хорошего лазутчика не так-то просто было обмануть. Острый глаз Приска заметил пару раз за стволами деревьев мелькание силуэтов – и вряд ли это были олени или

волки. Центурион был уверен, что еще один отряд идет теперь за ними по следу, хотя даки соблюдали осторожность и не разводили костров.

«Как глупо», – сам себе повторял Приск.

«Глупо» могло относиться к дакам, решившимся захватить послов римского императора.

«Глупо» могло звучать оценкой опрометчивого поступка Лонгина.

«Глупо», – сам себе мог сказать Приск, вообразивший, что сумеет свершить то, что никому было не под силу.

Перевал Вылкан

Сразу за перевалом Кука нашел следы посланцев трибуна Анния: в одном месте – щит ауксилария, в другом – разорванную дорожную сумку.

Обыскав кусты, легионеры наткнулись на тела: вернее, на их останки – зверье успело попировать, обглаживая тела убитых и растаскивая куски. Варвары даже не сняли с римлян лорики: горцы не особенно жаловали римские доспехи. Только шлемы унесли, как и мечи. Кука в ярости стукнул кулаком по дереву: пришлось признать – прав был Анний, зря погибли эти парни, абсолютно зря!

– Тиресий, ты что-нибудь видишь? Ну хоть что-нибудь? – окликнул Кука товарища.

Слабый вдох за спиной – даже не вдох, а просто намек на движение. И следом порыв ветра ниоткуда, холодом обдало затылок и спину. Пальцы Куки вмиг легли на рукоять меча, клинок взвизгнул, как живой, выходя из ножен. Поворот. Никого. Лишь вздрагивают тонкие ветви орешника, задумчиво роняя листья, да гудит в кронах ветер. И все же Кука почувствовал опасность – нутром, по-звериному. Легионер метнулся в сторону, краем глаза увидел, как стрела впиалась в ствол молодого дерева.

– Засада... – рухнул рядом с Кукой на землю Тиресий.

– И сам вижу.

Фламма растянулся там, где был, – благо рядом торчал здоровенный камень, на который Фламма опустил сделать путевые заметки. Теперь в этот камень, дзинькнув, ударила стрела.

– Не высовываться, – приказал Кука. – Сколько их?

В ответ Тиресий приподнял левую руку и растопырил три пальца⁴⁵. Пальцы были в крови – прорицатель ободрал их о камень.

– Двое?

– Молчун! – окликнул старого приятеля Кука.

– Здесь! – отозвался тот и выступил из зарослей орешника, волоча за шкирку мальчишку-дака.

Пленнику было лет пятнадцать, не больше.

Оклаций выбрался за ним следом, неся трофеи: гетский лук и колчан со стрелами.

– Одного прикончили, тот был старше. А этого взяли живьем, – похвастался Оклаций.

– Впереди еще есть засада? – спросил у пленника Кука, поднимаясь и отряхивая палую листву.

Мальчишка глянул на Молчуна диким зверьком, рванулся, но без толку: силы были чудовищно не равны.

– Сейчас я его поспрашиваю. – Молчун развернулся и потащил парня назад в заросли.

Оклаций шагнул следом.

⁴⁵ Для каждого числа у римлян был свой жест – число «два» обозначалось большим, указательным и средним пальцами, растопыренными на манер пистолета (безымянный и мизинец были поджаты).

– Тебе лучше не ходить, – остановил юношу Тиресий.

– А я только поглядеть, – Оклаций осклабился: мол, и не такое видали.

– Лучше не надо.

Чудовищный визг, похожий на визг свиньи, угодивший в последний день своей жизни под неумелую руку, донесся из зарослей. И в следующий миг смолк, придушенный.

– Думал, даки, они мужественные все, – хмыкнул Оклаций.

– Заткнись! – Кука отстегнул от пояса флягу, глотнул.

Тиресий последовал его примеру. Оклаций тоже потянулся к фляге.

– А мне плевать.

Фламма вдруг поднялся и направился в кусты. Видимо, решил, что именно этой сцены будет не хватать для его записок.

– Это я, Фламма! – крикнул, предупреждая.

– Это умно, – заметил Тиресий, – а то наш Молчун пустил бы его на колбасу вместе с даком.

В кустах послышались голоса, говорил сначала Молчун, спокойно, неспешно, потом дак – голос мальчишки прыгал, как горный ручей по камням, захлебываясь болью. Потом все смолкло. Из кустов вышел Молчун, отряхнулся, как пес после купания, и направился к друзьям.

– Два поворота дороги дальше – ловушка. Двенадцать человек и командир в засаде. Если кто покажется на дороге – забросают камнями сверху.

– Пойдем через лес, – решил Кука. – Выйдем в тыл.

– Не многовато ли тринадцать человек на нас пятерых? – спросил Фламма.

– Справимся, – решил Кука. – Драться мы не будем – просто обойдем засаду.

Фламма выполз из кустов бледный, зеленоватый даже, отирая тыльной стороной ладони губы.

– Ты чего, человечину ел? – хмыкнул Оклаций.

– А ты иди! Ты иди погляди! – огрызнулся Фламма, затравленно озираясь, будто за ним кто-то крался по кустам.

Оклаций пожал плечами и двинулся в заросли. Вернулся вскоре, еще раз повел плечами.

– Подумаешь – глаза выкололи.

Он подобрал свои вещи, забросил палку-фастигату на плечо. А потом жестом фокусника извлек кинжал. И на нем, насаженный, белел глаз.

– Фламма, отдашь свой обед? – хмыкнул Оклаций.

Фламма спешно отвернулся и несколько раз вздохнул.

– Прекратить! – Кука отобрал у Оклация кинжал. – Да это же...

– Хлебный мякиш и темный камешек, – хмыкнул Оклаций.

Он выковырял из «глаза» камешек и забросил хлебный шарик в рот.

В этот миг Фламму все-таки вывернуло наизнанку – уже одной желчью.

– Похоже, наместник не того человека назначил палачом, – пробормотал Тиресий.

* * *

Вечером, уже после того, как миновали ловушку в горах и устроились на ночлег, Фламма подполз к Молчуну и спросил:

– Что ты чувствуешь, когда пытаешь? Отвращение? Наслаждение? Ужас?

– Ничего, – ответил Молчун, вороша угли в костре. – Абсолютно ничего. Это просто работа. Ты видел когда-нибудь, как хирург отпиливает раздробленную голень, а человек хрипит от боли?

Фламма судорожно дернул кадыком, кивнул.

– Я извлек глаза. Когда парень мне все рассказал, я больше его не мучил.

Молчун взял новую ветку для костра, повертел в руках, потом уткнул ее в грудь товарищу.

– Фламма...

– Да-а-а?

– Никогда не подходи ко мне, когда я этим занимаюсь. Ясно?

Фламма еще раз кивнул и немного отодвинулся от костра.

Банита

Крепость, как и уверяли даки, стояла разрушенная. Издалека макушка скалы выглядела бесстыдно обнаженной, обнаженной вдвойне, ибо буковый лес на склонах уже облетел. Римляне полагали, что от этой крепости до столицы Дакии миль пятнадцать или около того. По равнине такое расстояние армия Траяна могла легко покрыть за один переход. Но, учитывая горные дороги, все подъемы и спуски, – выходило два или три дня пути. Однако Приск был уверен, что простой дороги в этих горах не бывает.

Ржаво-серая скала нависала над извивом горной реки, каменный монстр уснул, грезя о новом кровавом пиршестве. По условиям мирного договора дакам самим пришлось разметать стены и скрыть смотровые башни. Но дорога, ведущая на вершину холма, не казалась заброшенной. Приск заметил глубокую борозду в рыхлой лесной почве, здесь что-то волокли навстречу, и волокли совсем недавно.

* * *

Вечером Приск зашел в палатку к Лонгину. Легат тут же сделал знак Асклепию – подежурь, мол, у входа – чтобы не подслушал никто из даков. Приск подсел поближе к жаровне, протянул к алым углям ладони и шепотом заговорил с легатом:

– Утром, до рассвета, попробую забраться наверх и поглядеть, что творится в крепости. Ты скажись больным, чтоб мы на день остались здесь, – предложил Приск, – я тем временем сумею всё высмотреть.

– Мы можем потребовать, чтобы даки сами нам показали крепость, – ответил легат.

– Они нам покажут – но совсем не то, что есть на самом деле. Я переоденусь варваром и уйду потихоньку. Пусть кто-нибудь из ауксилариев залезет в мои доспехи и сидит в твоей палатке. Сабиней будет уверен, что я здесь. Как только все разведано – вернусь.

– План хорош, – заметил Лонгин. – Но неужели ты надеешься, что даки не разгадают твою хитрость?

– Не разгадают. А если и разгадают – не беда. Главное, я все увижу.

* * *

Едва забрезжило, как Приск отправился в путь. Поначалу он прятался в подлеске или за деревьями, потом распрямился и, уже не скрываясь, двинулся вверх по дороге. В мешке за плечами он нес припасы на день, у пояса висели фракийский кинжал и фляга, за плечами – кирка. Он легко шагнул в гору. Чуть ли не из-под ног выпрыгнул заяц, метнулся из стороны в сторону и скрылся в лесу. Небо светлело. Подойти к Баните можно было лишь по северному склону – остальные поднимались отвесно, так что дакам почти не пришлось строить здесь укреплений – сама природа возвела твердыню. Река огибала скалу с трех сторон, создавая естественный ров в придачу к природным стенам.

Разглядывая скалу снизу, Приск не заметил наверху строений – похоже, даки исполнили договор на совесть. Поднявшись, он увидел остатки разрушенной стены, что совсем недавно стерегла пологий склон. Приск прошелся вдоль кладки, определяя, где прежде располагались башни. Кто-то выровнял фундамент и восстановил часть выпавших прямоугольных камней. Дальше, выше по склону, на территории бывшей крепости, были сложены камни и бревна. Здесь готовились отстраивать крепость, но, похоже, именно готовились – работа явно застопорилась.

Приск перебрался через остатки стены, двинулся дальше и так увлекся осмотром, что не сразу обратил внимание, что снизу доносятся голоса, и эти голоса приближаются. Похоже, наверх поднимался целый отряд. Даки привели Лонгина инспектировать крепость? Нет, слишком рано. Римлянин замер. Что делать? Идти назад? Деваться с вершины было некуда. Голоса становились все ближе: Приск уже отчетливо различал отдельные слова. Говорили на местном наречии – и, судя по всему, римлян среди идущих не было. Попытаться прорваться вниз – дело безнадежное, это центурион понял сразу. Приск огляделся. Ничего не оставалось, как укрыться за грудой неокоренных бревен. Рядом высилась куча сосновых веток. Центурион спешно спустился в какую-то яму, накрылся ветками – теперь заметить его могли лишь в том случае, если кто-то подойдет вплотную. Голоса приближались. Кто это? Мастерские, восстанавливающие крепость? Или... Приску показалось, что среди прочих доминирует голос человека, привыкшего повелевать. Пока что сохранялась надежда, что, достигнув стены, даки разойдутся по площадке. Тогда можно будет подняться и, прихватив с собой несколько стяжек от дакийской кладки, спуститься вниз с видом, что у него там внизу какое-то очень важное дело. Приск даже высмотрел из укрытия, где лежат деревяшки. Голоса пока не приближались. Судя по всему, даки остановились и собрались вокруг вожака. Приск разглядел его сквозь завал веток: высокий, широкоплечий, уже немолодой человек в серой суконной шапке дакийского аристократа. Сейчас он смотрел в сторону, и центурион видел его в профиль. Это лицо ни с каким другим спутать было невозможно: выдающаяся вперед челюсть, крутые скулы, упрямый лоб под войлочной шапкой. Приск узнал Децебала – центуриону доводилось видеть дакийского царя, когда тот спустился из своей столицы в долину просить императора Траяна о мире. С тех пор прошло два года, Децебал постарел, казалось, на целых десять лет, глаза запали, брови сделались еще более кустистыми. Но сила из повелителя даков не ушла – напротив, казалась, стал он еще опаснее. Децебал был одним из немногих, перед кем Приск невольно горбил плечи – не из страха, а просто признавая непомерную силу.

Вокруг царя собралось около двух десятков воинов. В основном пилеаты, но простых коматов тоже хватало. Четверо здоровенных парней, явно телохранители, высились за спиной совсем не низенького Децебала. А рядом с царем стоял Сабиней. Как ни верти, а мимо никак не проскочить: Сабиней центуриона непременно узнает. Приск медленно сполз вниз – поглубже в яму под ветки, осторожно перевел дыхание. А даки как назло приближались. Римлянин боялся дышать.

– Где Лонгин? Его захватили? – спросил Децебал.

– Еще нет. Он в лагере, в палатке, – отвечал Сабиней.

– Почему ты медлишь?

– Царь царей... – Сабиней явно растерялся. – Я подумал, ты прежде захочешь встретиться с легатом.

– Зачем? Мы все обговорили давным-давно. Я встречусь с ним в Сармизегетузе.

– Ты нарушишь данное слово?

– Именно так. Как нарушили его римляне, напав на мое царство. – Голос Децебала стал удаляться. – Почему работы остановлены?

– Везина забрал мастеров в Костешти. Осталось несколько человек, способных тесать камень или таскать землю. Но ни одного, кто бы знал, как возводить крепость.

– Если наш план удастся, – ответил Децебал, – Банита нам не понадобится. Если же нет, мы все равно не успеем ее восстановить. Пусть Везина отстраивает Костешти, Турн – Пятра Рошие. Иди вниз, Сабиней, иди!

Судя по звуку шагов, Децебал теперь обходил крепость. А Приск по-прежнему не находил возможности выбраться из своего укрытия и удрать, чтобы предупредить Лонгина. Сейчас, когда каждый миг был на счету, он сидел в идиотской ловушке и не мог сдвинуться с места. Что делать? Попытаться спуститься вниз по отвесному западному склону и опередить Сабинея? Дело безнадежное. Все, чего он добьется, – это свернет шею, в лучшем случае. В худшем – переломает руки и ноги, но останется в живых. Приск стал ощупывать пояс – кинжал, фляга... Фляга... Единственный человек в свите Децебала, который знал его в лицо, – Сабиней. Но молодой дак отослан назад в лагерь.

Центурион сорвал с пояса флягу, зубами выдрал пробку, сделал пару глотков, а затем с намеренным шумом, держа флягу в левой руке, выполз из своего укрытия на четвереньках. Встал, пошатываясь...

– А что, уже у-утро? – проговорил он пьяным голосом, разумеется, на дакийском наречии. Если какой-то акцент и был в его речи, то пьяный говор, фыркание, плевики и икание умело все скрыли. – А когда утро успело... ик... наступить... – Он вспомнил, как актер на сцене театра Марцелла в Риме изображал пьяного, и направил указательный палец в грудь Децебалу. – А ты кто? – При этом Приск демонстративно глотнул из своей фляги.

– Что за нелепый пьянчуга? – спросил Децебал у кого-то из свиты.

– Наверняка один из тех, что не сгодились Везине или Турну. Вот и оставили бездельника здесь... – буркнул один из спутников дакийского царя. – Остальные сидят внизу, а этот, верно, надрался накануне так, что идти не мог.

– Ступай вниз к своим! – приказал Децебал. – Вижу, недаром Деценей⁴⁶ запрещал выращивать лозу. Вот что ее буйный сок делает с людьми! Отдай мне флягу! – потребовал Децебал.

– Да ни за что... ик... – Приск попятился.

Но один из телохранителей царя подскочил к римлянину, вырвал флягу из его рук и с поклоном передал царю.

– Верховный жрец обязан заботиться о душевном и телесном здоровье своего народа. – Децебал демонстративно вылил отличное вино из запасов Лонгина на землю. – А теперь вниз! Живо! – Он швырнул флягу Приску. – Облейся ледяной водой!

Центурион, догадливый, ее не поймал, поднял с земли – и то не с первой попытки.

– Вниз, сейчас... иду... – Приск развернулся и, словно полностью одурев от винных паров, побрел к отвесному склону.

– Стой! – заорали сразу несколько голосов. – Не туда!

Он обернулся. Застыл, пошатываясь. Какой-то высокий немолодой комат ухватил его за шкуру и поволок к северному пологому склону.

– Сюда, пьяная твоя рожа! Сабазий тебе zenки залил, совсем ничего не видишь – вмиг шею сломаешь!

– Угу... – пьяно оскалился Приск и, выделявая ногами хитроумные петли, устремился вниз.

Сначала бежал от одного дерева к другому – обнимая уцелевшие буковые стволы на склоне, а потом, когда уже скрылся из глаз Децебала и его свиты, понесся вниз, разгоняясь. Первым делом надо было догнать Сабинея и успокоить, не дать ему задержать Лонгина.

⁴⁶ Деценей – верховный жрец, с чьим именем связывают религиозные реформы в Дакии (I век до н. э.).

Потом сесть на лошадей и мчаться назад к перевалу. Шанс ускользнуть был невелик, но все же имелся.

На счастье, Сабиней спускался неспешно, Приск нагнал его на середине спуска.

Центурион устремился на своего давнего врага с ревом, выкрикивая все знакомые ругательства на дакийском и приправляя их римскими. Сабиней обернулся и опешил. В первый миг он, как прежде свита Децебала, принял несущегося на него человека за перепившего накануне ремесленника. Посему Сабиней встретил нападавшего не клинком, а кулаками. И в следующий миг римлянин с даком в обнимку покатались с холма, немилосердно валтузя друг друга. Сабиней был сильнее, зато Приск – куда ловчей. В конце концов Приск наградил дака двумя хорошими ударами в челюсть да еще и головой грохнул того о камень – брызнула кровь. Приск, бросив обмякшее тело на склоне, устремился дальше к лагерю.

* * *

В палатку Лонгина Приск влетел, как сорвавшаяся с тормозов повозка с лесом, набравшая скорость добрую милю по крутому склону.

– Мы уходим немедленно, сейчас же! – выпалил он, спешно сбрасывая варварские тряпки и облачаясь в свою тунику. – Снимай лорику, живо! – приказал игравшему его роль ауксиларию. – Я сказал – живо! Это западня. Немедленно, сейчас же, назад, к перевалу.

Пока говорил, пальцы спешно застегивали ремни пояса с мечом.

– Центурион, объясни в чем дело! – потребовал Лонгин.

– Сейчас. – Приск на миг перевел дыхание, потом сообщил: – Децебал собирается захватить тебя в плен. Тебя и всех нас.

– И что в этом такого ужасного? – спросил без тени волнения Лонгин.

– Но ведь... – Приск опешил. – Плен... – только и сказал он одно страшное слово.

В Дакийскую войну не было ничего страшнее плена – даже смерть или тяжкое ранение не так пугали, как плен. Почти сразу вслед за началом военных действий стало известно, что даки отдавали пленников своим женщинам, а те уж резвились на славу – вырезали глаза и срамные органы, живьем клали на горящие поленья да еще поливали тела топленным жиром. Потом черные гнилые головы убитых, насаженные на колья, таращились пустыми глазницами со стен дакийских крепостей.

Кажется, Лонгин понял, о чем думает в это мгновение центурион.

– Слишком ценна добыча, чтобы отдавать нас на потеху сумасшедшим бабам, – заметил легат. – Разумеется, Децебал может сделать вид, что захватил нас в плен. Но мы ведь хотели оказаться в Сармизегетузе. И мы там окажемся – это главное. Разве ты не жаждал увидеть все укрепления подробно?

Был ли подвох в последнем вопросе Лонгина, Приск так и не понял. Всплыл на миг в памяти разговор с Зеноном: Адриану нужна Сармизегетуза. Неужели такой ценой?

Приск на миг закрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул.

– Вот видишь, тебе нужна Сармизегетуза, – сказал Лонгин, как будто прочел мысли центуриона.

Центурион опустил на походный стул подле легата.

– Так мы просто должны сдаться?

– Неужели ты надеялся ускользнуть? Это глупо, центурион. – Легат улыбнулся. – Не нужно делать глупости.

«Глупо...» – это слово все время вертелось на языке Приска в последние дни.

– Децебал наверняка запомнил, что такое – схватить волка за уши, – продолжал Лонгин. – Так вот, римляне – самые опасные волки, куда опаснее даков. Держать волка при-

дется двумя руками. А как только одна рука разожмется, волк либо вырвется, либо нападет. Неужели мы проделали этот путь, чтобы удрать при первой опасности?

Приск отрицательно покачал головой. Чувство было такое, что он сам, по доброй воле, должен сигануть с головокружительной высоты утеса. А есть ли там внизу поток воды – не разглядеть в полумраке ущелья. Шум доносится, это верно. Но речки горные мелки и каменисты, и бегущая внизу вода не спасет безумного прыгуна. А главное в этом безумии то, что они сами взобрались на этот утес, сами отрезали себе путь к отступлению.

– Децебал подержит нас в плену и отпустит – иного выхода у него нет, – продолжал как ни в чем не бывало Лонгин. – Зато мы увидим Сармизегетузу.

– Я едва шею не сломал – мчался тебя предупредить. И что теперь?

– Прежде всего смени дакийские сандалии на свои калиги. А потом неплохо будет плотно поесть. Асклепий, – повернулся Лонгин к вольноотпущеннику. – Предложи нашему храброму центуриону кусок ветчины да налей вина. Ветчина у даков великолепная. Лучше у них – лишь соленая рыба.

* * *

Приск уже закончил трапезу, когда полог палатки распахнулся и в нее влетел Сабиней. Голова дака была вся в крови, запекшиеся пятна на манер лишая сползали по шее и расплывались бурым на рубахе и плаще.

– Выходи! – указал он на Приска измазанным в крови пальцем.

Центурион поднялся. Лонгин тоже.

– Ты – сиди! – Сабиней довольно грубо ткнул легата в грудь. – А ты выходи!

Приску ничего не оставалось как подчиниться. Он вышел из палатки. Вокруг стояли даки, как показалось центуриону – не меньше полусотни. Стояли немо – посему их присутствие удивило и несколько обескуражило. Приск ожидал выйти с Сабинеем один на один, а когда вокруг еще пять десятков врагов – нелепо кидаться в драку.

Сабиней ткнул центуриона в спину так, что Приск совершил пару нелепых прыжков, но на ногах устоял и сумел повернуться к давнему врагу лицом.

– Римлянин! Отдай оружие, – приказал Сабиней.

– Децебал клятвенно обещал нам неприкосновенность! – напомнил Приск.

– Неприкосновенность? Теперь твою неприкосновенность гарантирую я. Меч! Сюда! Живо!

Приск снял перевязь с мечом. И тут Сабиней, вместо того чтобы забрать оружие, кинулся на него с фальксом.

Приск успел вырвать из ножен меч и даже сблокировать удар, а заодно хлопнуть ножами дака по лбу – но такой удар комату навредил не более чем дружеский хлопок. Подскочивший на помощь Сабинею юный комат получил от Приска удар ногой в живот. Но больше ничего центурион сделать не сумел – сбоку на него обрушился мощнейший удар фалькса, подцепил, будто крюком, и швырнул на землю. Прочнейшую лорику фалькс не пробил, но удар выбил воздух из груди – не вздохнуть. Приск попытался откатиться в сторону, но Сабиней подскочил и наступил ногой на грудь.

Центурион стиснул пальцы и только тогда понял, что рукояти меча больше нет в руке.

Ну вот и все. Конеч. Опять этот дак его победил.

– Не калечить его! – услышал римлянин окрик и узнал голос Децебала. – Центурион мне нужен живым.

Дакийский царь успел спуститься вниз, оставив в покое умершую Баниту.

Двое даков, оттеснив Сабинея, подняли центуриона на ноги. Третий варвар подобрал перевязь с ножнами и меч.

– Сними с него лорику, – приказал Сабиней одному из коматов. – Такие доспехи пригодятся одному из наших воинов.

Приск взвыл от ярости, услышав приказ, – лорика центуриона стоила бешеных денег, и то, что в ней будет щеголять какой-то косматый дак, привело Приска в ярость. Но сопротивляться было и глупо, и безнадежно: посеребренную лорику сняли, как и нижнюю, из тонкой кожи, оставили римлянина в одной тунике. Забрали перевязь с мечом и кинжалом, шлем. Потом связали веревкой руки. Рядом вязали покорно вышедшего из палатки Асклепия. Легат тоже вышел наружу, римские ауксиларии окружили Лонгина. Но рядом с легатом их было всего четверо, остальных люди Сабиней уже обезоружили.

– Отдайте оружие, – приказал Лонгин охране. – Сопротивление бессмысленно. – И сам первым протянул свою спату Сабиней. – Требую, чтобы с моими людьми обращались достойно, – обратился он к Децебалу.

– Ты мой гость, легат, и я буду гостеприимен. Только не пытайся делать то, что не понравится мне и моим людям. Тогда я не смогу тебе помочь.

Децебал подошел к Приску и довольно долго его разглядывал, будто оценивал силу и стать. Так, наверное, охотники на львов и пантер разглядывают добычу, прежде чем замкнуть в клетку и отправить на корабль, плывущий в Рим, где зверя выпустят на арену – умирать на потеху толпе. Римлянин для дака был тоже своего рода зверем. Как и дак для римлянина – ибо мыслил каждый по-своему, не понятным врагу образом. Децебал задрал тунику на плече и глянул на татуировку.

– Пятый Македонский... Давно служишь? – заговорил дакийский царь на латыни.

– Восемь лет.

Царь ничего больше не сказал и повернулся к Сабиней.

– Он – твой. Только не калечь и не убивай. Пока, – добавил Децебал на местном наречии.

– Ты снова проиграл, римлянин! – в ярости воскликнул Сабиней и ударил Приска изо всей силы в лицо.

Вот уж истинно – звезды из глаз. А потом обрушилась тьма.

* * *

Когда центурион очнулся после удара, голова раскалывалась от боли. Он поднялся, и его тут же вырвало. «Плохой знак», – непременно сказал бы лекарь когорты Кубышка и велел бы полежать несколько дней, пока все жидкости в организме – кровь, флегма, желтая желчь и желчь черная, придут в норму. Но Приску никто такой возможности не предоставил. Сначала его, связанного, везли верхом на муле. Дорога шла все вверх и вверх, но склон был явно не так крут, как скала, на которой стояла разрушенная Банита. Вечером, когда Приска сняли с мула, он заметил Лонгина. Тот стоял возле небольшого домика с террасой, уже без оружия, но все еще в доспехах, окруженный не своими личными охранниками-ауксилариями, а исключительно даками. Увидев связанного Приска, Лонгин потребовал, чтобы центуриона оставили на ночевку вместе с ним.

Как ни странно, просьбу Лонгина выполнили. Командовал отрядом охраны Сабиней. С Лонгином он держался почтительно, но отстраненно, а Приска как будто не замечал.

– Что случилось? – спросил центурион, едва очутился подле легата. Перед глазами все качалось и плыло, голова была – как медный котел. Тронь – зазвенит. Но Приск старался не показывать вида.

– Мы – пленники, – ответил Лонгин. – Наших ауксилариев я больше не видел, но Сабиней заверил меня, что с ними обращаются хорошо.

– Ты веришь варвару?

– Асклепий видел, как их увели в какую-то деревушку.

– Ты же сказал, что хорошо знаешь Децебала! – не удержался и припомнил легату его прежние легкомысленные слова Приск.

– Видимо, недостаточно хорошо, – еще более легкомысленно заявил Лонгин.

Центурион застонал от бессилия. Он был уверен, что конная охрана легата мертва.

Сутки Приск провел в условиях почти комфортных – ночью спал на узком тюфяке, укрытый ворсистым шерстяным одеялом, но с холодным компрессом на голове (тряпку несколько раз менял Асклепий). Место на спине, где багровел след от удара фалькса, вольноотпущенник смазал вонючей и жирной мазью: его деревянный сундучок со стеклянными флаконами даки не отобрали.

– Похоже, у тебя сломано ребро, но оно не сдвинулось и внутри ничего не повредило, – сказал Асклепий. – Возможно, кость только треснула.

Утром Приска посадили на мула. Асклепия тоже. Лонгина везли на крепкой невысокой лошадке. Пленники и их конвоиры ехали на восток, северо-восток, опять восток, если судить по солнцу, что висело над хребтами в мутной дымке, сулящей холодную зиму. Видимо, они в самом деле двигались к Сармизегетусе, но как-то странно, чуть ли не кругами. Ближе к вечеру к отряду Сабинея присоединилось несколько даков-подростков. За главного у них был высокий парень с длинными льняными волосами и едва пробивавшимися над верхней губой дерзко торчащими усиками. Остальные называли блондина Везер или Вез. Когда стали располагаться на ночлег, Везер подошел к Приску.

– Говорят, римлянин, ты по-нашему болтаешь. Причем хорошо...

– Да, вполне, – отозвался центурион.

Везер больше ничего не сказал, удовлетворенно хмыкнул и спешно отошел к своим. Ватага молодняка загалдела.

– Тихо! – гаркнул Везер и стал что-то объяснять. Вскоре они ушли, судя по всему – на вторую, расположенную выше террасу – на одной всем было никак не разместиться.

Ночью Приск вышел по нужде – никого из пленных не связывали, охрана стерегла террасу, вернее, единственный спуск с крутого склона, и прошмыгнуть мимо караульных пленники никак не могли. Карабкаться же наверх, где расположилась другая часть охранников, было вообще глупо. Выгребная яма, огороженная несколькими неплотно сбитыми досками, находилась почти у самого края площадки.

Но до ямы Приск так и не добрался: кто-то из охранников подскочил сзади, накинул на голову мешок, тут же второй ловко захлестнул руки веревкой. Наверное, с час его куда-то волокли, то несли на руках, то связанного тащили на одеяле. Как показалось пленнику – несли наверх. Потом стали спускаться. Он услышал приглушенные голоса и узнал мальчишек Везира – как понял по их коротким репликам, эти парни его попросту украли.

Вся прежняя жизнь научила Приска не опускать руки в любой ситуации, даже самой отчаянной. Но сейчас он был полностью беспомощен.

Наконец его положили на землю, и – похоже – охранники легли рядом. Он попытался заговорить с ними, но в ответ получил тычок под ребра и благоразумно умолк. Попытки сбросить путы привели к еще одному тычку. Однако Приск все же сумел ослабить веревки. Но толку от этого было чуть: его тут же связали по новой. Так что Приск счел за лучшее просто уснуть. Наверняка утром силы ему понадобятся.

* * *

Проснувшись, центурион обнаружил, что колпак с него сняли. Он открыл глаза, но тут же зажмурился от яркого солнца. Лишь с третьей попытки ему удалось разлепить веки. Вокруг блеснул снег, тонким слоем припорошивший террасу и склон, набросив светлый

покров на стоявшие в холодном оцепенении ели. Налетавший то и дело ветер сдувал с ветвей пригоршни легкого как пух снега.

Начиналась зима. Приск невольно улыбнулся.

– Ну что, продрал глаза? – Пленника ухватили за шиворот и подняли.

Он не ошибся: его окружали семеро парней, совсем юных, почти мальчишек. И хотя каждый из них был не ниже Приска ростом, силой и сноровкой они наверняка уступали центуриону.

«Что им нужно?»

– Он ночью веревки почти размотал, – сказал один из мальчишек, темноволосый и ниже всех ростом.

– Теперь это неважно, – отозвался Везир. – Топай за нами! – приказал Приску.

– Упорный парень. Они, римляне, все такие – горы прогрызут, лишь бы добраться до золота, – не унимался темноволосый. – Да только обломают зубы, старые волки.

Возможно, эти мальчишки не собирались его убивать. Не споря и ни о чем не спрашивая, Приск двинулся со своими спутниками. Тропинка была хорошо утоптана, склон – не крутой, но уходил все наверх и наверх, в синее небо. Деревьев здесь не было – только пни да кое-где лежали неведомо зачем принесенные на склон обтесанные блоки андезита. Шапки снега на них начинали подтаивать на солнце, и казалось, что камни плачут.

Поднявшись на вершину, Приск и его спутники остановились. Только теперь пленник заметил, что трое парней отстали, и с пленником на вершину поднялись только четверо.

– В чем дело? – спросил Приск, оборачиваясь к своим спутникам.

– Децебал победит в войне, и римляне убегут побитыми собаками по воле Замолксиса! – сказал громко белокурый Вез. – И еще. – Он перевел дух. – Везина станет верховным жрецом! – Эту фразу он выкрикнул, и ее тут же подхватило эхо.

Приск стоял не шелохнувшись, пытаясь сообразить, что все это значит. Единственная догадка, которая пришла ему в голову и казалась правильной, что Везина – отец этого парнишки.

– Запомнил? – гневно нахмурил брови пацан.

– Запомнил, – кивнул Приск.

– Так и передай! – выкрикнул Вез и разрезал веревки на запястьях. – А сейчас повеселимся, римлянин! Такого веселья ты еще не видел! Главное – не рыпайся. Теперь берем его каждый за руки, за ноги и раскачиваем!

Тут наконец Приск догадался, в чем дело. Его будто ударом пилума пробило – разом вспомнился и рассказ царевны, слышанный несколько лет назад, и фраза Везера – «болтаешь по-нашему», и наставления Замолксису. Все сложилось.

По сигналу Веза четверо парней накинулись на римлянина. Вез ухватил за левую руку, темноволосый коротышка – за правую. Остальные двое попытались вцепиться Приску в ноги. Но первый тут же получил удар ногой в живот такой силы, что покатился по склону и врезался в один из андезитовых столбов. Второй оказался проворнее и попросту отскочил. После чего застыл в растерянности, не зная, как подступиться к пленнику. Вез и его товарищ попытались вдвоем подтащить Приска к краю скалы. Однако если Вез был силен, то его тщедушный спутник – куда слабее Приска. Встать на ноги, а затем попросту столкнуть своих пленителей, не составило для центуриона труда. Черноволосый шлепнулся на землю, а Вез попытался сопротивляться, но удар в лицо отшвырнул его в снег. Темноволосый тем временем вскочил и бросился на Приска. В руке блеснул кинжал. Приск заблокировал левой его руку с клинком, выбивая из неумелых пальцев оружие, а правой попросту отправил парня в полет со скалы.

Крик, полный чудовищной боли, рванулся снизу. Приск первым делом схватил оброненный парнишкой кинжал, а уж потом шагнул к обрыву. Ниже футов на двадцать была

устроена терраса, и на ней, врытые в землю, стояли в ряд три копьа. И на крайнем, покосившемся, висел, выгнувшись, темноволосый мальчишка. Копье пробilo его насквозь, и теперь парень медленно сползал по окровавленному древку вниз, к земле. Кровь фонтаном била из раны. Трое парней, что отстали прежде, теперь стояли внизу и, оторопев, смотрели на своего умирающего товарища.

Заслышав за спиной шорох, Приск отскочил от края и обернулся.

Но на него больше никто не нападал. Везир тоже подошел к обрыву. Увиденное внизу заставило его отшатнуться, и юный дак едва не упал. Он спешно сделал шаг назад.

– Вез... – окликнул его один из парней снизу. – Кажется, Замолксис сам выбрал жертву...

Юный дак ничего не ответил, он стоял недвижно, тяжело дыша, и глаза его наполнялись слезами – но то были не слезы жалости, а нестерпимой злой обиды.

– Прекратить, ублюдки! Что вы натворили! – донесся снизу голос уже совсем не юношеский или детский.

Приск оглянулся: Сабиней собственной персоной мчался на гребень холма.

– Везир, вон отсюда! – крикнул он белокурому. – И вы оба тоже! Вон!

Троих подростков как ветром сдуло вместе со снежной поземкой с вершины.

Сабиней подошел к краю обрыва и глянул вниз, шепнул что-то едва слышно. Приску показалось: «Он хорошо ушел...» Но за точность фразы центурион поручиться не мог.

– Тебя здесь не было, и ты ничего не видел! – повернулся Сабиней к римлянину.

– Хорошо, – охотно согласился Приск.

– Даю слово, смерть тебе больше не грозит. Эти парни тебя просто украли из-под стражи. Щенки...

– Я должен тебе верить?

– Благодарю царя царей за милость: Децебал велел сохранить тебе жизнь и доставить в Сармизегетузу. Но повторяю: здесь тебя не было, и этих парней ты не видел.

Нелепость происходящего на миг рассмешила центуриона. От людей любое безобразие можно попытаться скрыть, но от богов?.. Ведь огрешный обряд совершен перед Замолксисом, а не перед центурионом Приском.

– Отдай кинжал! – потребовал Сабиней.

Приск помедлил, повертел оружие в руках. Кинжал давал, разумеется, шанс. Но Сабиней не тот боец, которого можно одолеть с одним кинжалом. К тому же эти шестеро мальчишек здесь рядом и наверняка явятся даку на помощь. Впрочем, не этот расчет решил дело – «доставить в Сармизегетузу», – сказал Сабиней. Ради этого Приск здесь. Бежать – значит упустить шанс выполнить задание. Приск вздохнул сожалеюще и отдал Сабиней кинжал убитого. После чего они вместе стали спускаться с вершины. Ненадолго открылась страшная терраса. Мальчишки уже извлекли копьа из земли и теперь стаскивали тело своего товарища с древка. Снег вокруг ярко алел, а вся сцена заставила вспомнить жестокую веселость удачной охоты по первой пороше.

Но по тому, как на миг окаменело лицо Сабиней, сделалось ясно – ничего радостного и тем более удачного в происходящем нет. Приск сказал: если римлянин нарушит обряд жертвоприношения, свою вину перед богами ему придется долго и тщательно заглаживать. Наверное, и у даков так же. А Везир и его друзья не просто нарушили обряд, а чудовищно его исказили. Так всегда бывает, когда старшее поколение погибает на войне, а ребята остаются строить жизнь вкривь и вкось, позабыв вековые традиции. Если бы смерть Приска могла исправить содеянное, Сабиней, не задумываясь, прикончил бы римлянина. Но простой комат наверняка не знал всех таинств наиважнейшего дакийского обряда.

– Скорее! – Сабиней толкнул замешкавшегося на миг Приска. – Если все они не умрут до весны, значит, Замолксис простил их дерзость и принял гонца.

* * *

Как ни странно, сопровождавшие их даки вдруг сделались любезны и даже неуклюже услужливы. Вечером, когда остановились на одной из террас на ночевку, позволили нагреть воды и устроить что-то вроде бани. На стол подали вино с медом (здешний мед был поразительно сладок), а также местные закуски – ветчину с диким чесноком, соленую капусту и на горячее просяную кашу с топленным салом, а на десерт – упаренную чернику.

– Куда тебя увезли утром? – спросил Лонгин.

– Ребята хотели немного потренироваться с оружием, – солгал Приск. – Но одного я убил, и охота пропала. А потом явился Сабиней... Вообще-то я надеялся удрать.

Лонгин едва заметно приподнял брови и улыбнулся, давая понять, что оценил шутку. Приск не стал уточнять, что это ему почти удалось. Про неудачное жертвоприношение на скале он ничего не сказал.

– Я не могу понять, куда нас везут, – заметил Лонгин. – То мне кажется, что в Сармизегетузу, то – вдаль от нее.

– Это обнадеживает. Даки делают все, чтобы ты не мог вспомнить дорогу. Значит, нам предстоит обратный путь.

Приск давно не сомневался, что их пленение было подстроено заранее: и само письмо, и слово Децебала – все это детали ловушки. Да что там письмо – нападение по дороге в Дробету, необъяснимое и на первый взгляд глупое, теперь выглядело уже не столь наивно, поскольку являлось частицей обширного и хитроумного плана: сначала разбойники нападают, потом Сабиней их хватает и выдает Лонгину – такое вот своеобразное заверение в преданности. Лонгин, кстати, милостиво велел пленных не распинать, а продать в рабство. Видимо, думал, что тем самым задобрит Децебала. Ну-ну... Доброта Децебала... Дружба Децебала...

«Но вдруг... это предательство... не Децебала вовсе?» – пронзила центуриона внезапная мысль.

Ведь Лонгин с Децебалом давно знакомы! Вот именно, давнее знакомство... Лонгину ведомы все планы римских крепостей, численность соединений, сильные и слабые стороны командиров, да и в планы грядущей войны он посвящен. Вдруг совсем не ради Траяна легат стремился в столицу даков, но ради Децебала? Сколько царь Дакии заплатит легату за эти сведения? Да еще постарается у Траяна выторговать уступки, сделав вид, что Лонгину угрожает опасность. Догадка показалась настолько убедительной, что Приск внутренне похолодел. Только предатель может так бесстрашно лезть в логово дакийского волка!

– Нам надо бежать, – сказал Приск глухим голосом. – Даки нас не охраняют особенно тщательно. Уйдем ночью...

– Снег выпал, ты заметил? – усмехнулся Лонгин. – У нас нет проводника. И потом, я уже говорил тебе, центурион: пока не увижу укреплений Сармизегетузы, о возвращении не может быть и речи. ...К тому же... – Лонгин помедлил. – Мне наверняка предстоит обстоятельная беседа с царем. Я хочу знать, что задумал Децебал, – это очень важно для будущей войны.

«Значит, так? Так, да? Сколько же Децебал тебе заплатил, а? – Приску стоило огромного труда не произнести это вслух. – Сколько же золота тебе пообещал твой старый друг?» – мысленно кричал легату Приск и все сильнее стискивал зубы – так что ломило челюсти и скулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.